

Евгений СУХОВ

ХИТРОВАНЫ

Червонные валеты

Евгений Сухов

Хитрованы

«ЭКСМО»

2011

Сухов Е. Е.

Хитрованы / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2011 — (Червонные валеты)

ISBN 978-5-699-68954-5

Хитрованы из шайки «Червонные валеты» – люди не простые, многие из них принадлежат к высшему обществу. Так что заурядный «гоп-стоп» не для них. Если уж они производят «отъем денег» у какого-нибудь разжиревшего толстосума, то делают это элегантно и утонченно, с истинным артистизмом. Таких афер на счету «валетов» и лично их предводителя Всеволода Долгорукова не счесть. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха... Взявшись помочь очаровательной женщине, которая попала в весьма щекотливую ситуацию, Всеволод Аркадьевич убедился, что существуют на свете умельцы, «работающие» куда как виртуознее, чем даже он... Ранее книга выходила под названиями «Короли блефа» и «Червонные валеты».

ISBN 978-5-699-68954-5

© Сухов Е. Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	6
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Сухов

Хитрованы

© Сухов Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

То, что творилось в день 8 февраля 1877 года в здании Московского окружного суда, можно было назвать форменной ажитацией. Судебный процесс по делу знаменитых «червонных валетов» с участием двенадцати присяжных заседателей собрал полный и решительнейший аншлаг. Желающих присутствовать на судебном заседании было столь много, что на него выдавались билеты, как на премьеру «Грозы» Островского в Малом театре, где роль трагической героини Катерины исполняла несравненная Гликерия Федотова.

– Прошу прощения, нет ли у вас лишнего билетика? – такую фразу, столь свойственную премьерному показу, можно было услышать уже за два квартала на подступах к Окружному суду.

А уж подле самого входа в здание суда, в толчее желающих проникнуть на заседание, эта фраза звучала едва ли не на каждом шагу:

– Нет ли у вас лишнего билетика, сударь? Нет? Как жаль... А то я бы мог приобрести его у вас на вполне выгодных, так сказать, условиях.

– Может, у вас, сударыня, найдется? Знаете, так хотелось попасть... Тоже нет? Ах какая жалость!

Триста мест в зале судебных заседаний было забронировано. Для свидетелей и потерпевших, каковых оказалось больше двух сотен, присяжных заседателей, судей, приставов и самих подсудимых в количестве сорока восьми душ, – случай, ранее в судебной практике не встречавшийся. Судить предстояло элиту, так сказать, сливки московского криминального мира по части хитроумных мошенничеств, головомных надувательств, различного рода афер и разводов. Это была московская элита и в буквальном смысле слова: из общего числа подсудимых тридцать шесть человек являлись выходцами из известных московских фамилий, а двадцать восемь «валетов» и вовсе были потомственными дворянами. Что тоже было из ряда вон, и доселе подобного не наблюдалось. В числе законопреступных дворян был даже, как сказывали сведущие люди, князь Рюрикович одной из самых значимых российских фамилий – Вольдемар Долгоруков. Заарестованный князь выдавал себя за племянника московского генерал-губернатора и широко пользовался этим, компрометируя его высокопревосходительство. Был ли «червонный валет» Долгоруков действительно племянником князя Долгорукова, или это была лишь некая ширма – слухи по Москве ходили разные, – примечательно было лишь то, что Долгоруковы в один голос считали Вольдемара паршивой овцой, что свидетельствовало все же о некой принадлежности «валета» к столь прославленному княжескому роду. Впрочем, «валеты» любили присваивать себе титулы и фальшивые имена, ибо это было необходимо в их преступной деятельности.

Собственно, подсудимых могло быть и больше, нежели сорок восемь человек. Скрылся и, как говорили, пребывал и припеваючи здравствовал в Париже главный «червонный валет» Павел Карлович Шпейер. Кроме того, был помилован за несовершеннолетием, тем самым избежав суда, самый молодой «валет» – маркиз Артур де Сорсо (как он сам себя называл), отец которого являлся одним из самых деятельных членов клуба. Ну и, конечно, сумела избежать десницы правосудия небезызвестная Сонька Золотая Ручка, выведя из-под удара и увезя с собой в Румынию трех своих бывших мужей-подельников (редкая преданность прежним супружеским узам), а вместе с ними и своего нового дружка Мартина Якобсона, мало вписывающегося в состав элитного «Клуба «червонных валетов» из-за своего уркаганского прошлого. Приняли его в клуб по настоянию Соньки (которая была почетным его членом), совсем не ведая о том, что за поимку Якобсона полицией Швеции и Норвегии была назначена призовая сумма в двадцать тысяч золотых (весьма немалая сумма!). «Клуб «червонных валетов» фартовых и громил в свое лоно не принимал и тесное знакомство, а тем более сотрудничество

с таковыми не практиковал и не приветствовал; но разве такой мастерице, как Сонька Золотая Ручка, откажешь? Да еще такой знаменитой женщине! С эдаким неодолимым обаянием и вежливым нахальством...

Одним из главных потерпевших на суде был его высокопревосходительство генерал-губернатор Москвы князь Владимир Андреевич Долгоруков. Правда, его сиятельство сам на суд не соизволил явиться, но прислал своего поверенного, представлявшего губернаторские чаяния и интересы. Всей Москве была известна история с продажей губернаторского дворца на Тверской генеральским сыном Пашей Шпейером заезжему английскому лорду. Афера была великолепнейшей и весьма остроумной. Паша вначале втерся в доверие к добрейшему князю Владимиру Андреевичу, а потом испросил у него разрешения показать одному знакомому лорду губернаторский дворец. Не ожидавший подвоха Долгоруков разрешил, и в один прекрасный день, когда губернатор отсутствовал, Шпейер в сопровождении дежурного чиновника показал англичанину дом.

Спустя некоторое время лорд приехал вступать во владение домом. Многочисленной челяди Владимира Андреевича едва удалось отстоять дворец. Скандал получился страшный, ведь у лорда на руках имела купчая на губернаторский дом. Причем оформлена она была по всем правилам – правда, в фальшивой нотариальной конторе на Ямской, которая до того, как исчезнуть, успела совершить одну-единственную сделку – продажу казенного губернаторского особняка. Сто тысяч рубликов серебром перекечевали из портмоне облапошенного лорда прямиком в карман хитроумного Паши Шпейера, который не без основания полагал, что подобная афера может выйти ему боком, а потому подготовил свое триумфальное отступление в Париж. Куда и последовал, когда запахло жареным.

А запахло жареным (да что там «жареным» – горелым!) для «червонных валетов» как раз после аферы с губернаторским дворцом. Ибо клубом всерьез заинтересовалась тайная полиция, с коей, как известно, шутки плохи; к тому же из Санкт-Петербурга пришло приказание от самого министра внутренних дел господина Тимашева «вести розыскную и дознавательскую деятельность, невзирая на чины и звания злоумышленников». Буквально в несколько месяцев на «валетов» был собран огромный обличающий материал, позволивший произвести арестования сорока восьми «червонных валетов» и предать их суду...

Процесс шел несколько дней. Главный обвинитель, молодой, но весьма опытный товарищ прокурора и магистр уголовного права Николай Валерианович Муравьев – кстати, ровесник Шпейера и других «валетов», – предъявил им обвинения по пятидесяти восьми преступлениям, совершенным за десять лет существования клуба. И почти все они были доказаны. «Валетам» удалось развести лохов – так они называли доверчивых людей – на сумму более 300 тысяч рублей. А сколько из обманутых мошенниками людей, в большинстве своем степенных купцов и негоциантов, не стали обращаться в суд из-за боязни потерять репутацию, что их обвели вокруг пальца какие-то молокососы, – и вовсе не поддается подсчету!

Поддерживая обвинение и вскрыв всю подноготную хитроумных афер и махинаций обвиняемых, Николай Валерианович остановился и на самом клубе «Червонные валеты».

– Все началось в октябре одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года в фешенебельном «веселом доме» на Маросейке, принадлежащем подсудимому Иннокентию Симонову, – степенно начал Муравьев, обращая то к непроницаемому председательствующему суда, то к присяжным заседателям, внимавшим с интересом. – В этом доме помимо борделя купеческий сын Симонов открыл подпольный игорный дом, что, как вы понимаете, уже само по себе законопреступно и богопротивно... Конечно, сие заведение было часто посещаемо представителями так называемой «золотой молодежи», пресыщенной светскими балами, шумными вечеринками и прочими развлечениями. А здесь, у Симонова, подавались приличные европейские вина, кухня была отменной, игра шла частенько по крупной и предоставлялась возможность пощекотать себе нервы. А после крепкого вина и карточной игры – добро пожаловать в апар-

таменты к милым барышням! И опять обслуживание по высшему разряду. Скоро среди состоятельных кутил предприятие подсудимого Симонова стало пользоваться небывалым успехом. В нем отдыхали, так сказать, душой и телом все господа, которых вы можете видеть сейчас на скамье подсудимых. Собственно, это весьма символично и закономерно: вначале пресыщенность развлечениями, потом желание новых, еще более острых ощущений, затем бордель, карты, девочки, и венец этого пути – скамья подсудимых!

Обвинитель торжествующим взглядом обвел присяжных, от которых зависело решение суда. Ведь вердикт выносили именно они, а стало быть, на них следовало воздействовать эмоционально и требовалось безукоризненно подвести доказательную базу. И Муравьев старался. К тому же у него в данном деле имелся личный интерес, о котором никто не знал. Один из обвиняемых – а именно Самсон Африканыч Неофитов, этот последыш захудалого татарского мурзы, которого крестил Иван Грозный после взятия Казани и потому даровал дворянский титул, – это напыщенный бонвиван, любящий жить только в свое удовольствие, увел у него Агнессу, особу, дорогую его сердцу. А ведь Николай Валерианович вот-вот должен был с ней обручиться! Ничего, теперь этот смазливый пройдоха получит по заслугам. И вообще, поди разбери этих женщин: вместо трезвого умом и добропорядочного Муравьева, у которого впереди большие чины и блестящая карьера крупного общественного деятеля, Агнесса предпочла гуляку и мошенника Самсона Африканыча Неофитова – зная, разумеется, обо всех его похождениях, о чем ведала, собственно, и вся светская Москва. Воистину, либо женщина существо и правда весьма порочное, либо не ведает, что творит...

– Итак, основу преступной организации, именуемой «Клубом «червонных валетов», и составила так называемая «золотая московская молодежь», посещающая незаконное и богопротивное предприятие подсудимого Иннокентия Симонова. Это были по большей части образованные молодые люди, не испытывающие особых финансовых затруднений. Почему же тогда они решились на законопреступные деяния?

Муравьев сделал паузу, показывая, что размышляет, причем если мыслительный процесс происходит на публике, значит, она также в нем участвует. Стало быть, то, что сейчас он скажет, – резюме как бы коллективное. В том числе и присяжных заседателей...

– Во-первых, как я уже сказал, светские развлечения им порядком поднадоели. А острых ощущений хотелось. Во-вторых, имея деньги, они жаждали денег еще больших. И в этом сказывалась порочность их натуры. Ну а в-третьих, они считали себя умнее других. Умнее меня, умнее вас, – Муравьев сделал жест в сторону председательствующего, – умнее и вас, – теперь жест последовал в сторону присяжных заседателей, – умнее всех тех, кто живет честно, по средствам и непосильным трудом зарабатывает себе хлеб насущный. Вот этого – зарабатывать трудом хлеб насущный – они совершенно не желали. Посему принялись обогащаться и щекотать нервы себе и другим путем проведения различного рода махинаций и афер как в экономической, так и финансовой сферах. Более того, они занялись также и банальными грабежами, ибо...

– Ты ври, да не завирайся, – подал с места голос Огонь-Догановский, столбовой дворянин и самый старый из «валетов», которому год назад стукнул полтинник. – Кого это мы грабили?!

– ...ибо отнятие денежных средств незаконным путем классифицируется по-другому как грабеж!

По залу пробежал шумок. В нем преобладали поощрительные нотки. Это значило, что публика на стороне обвинения.

– Как же возникла преступная организация, именуемая «Клубом «червонных валетов»? Случилось это, как я уже имел честь доложить вам, господа присяжные заседатели, в октябре шестьдесят седьмого года. Не могу точно утверждать, что повлияло на название такого, с позволения сказать, клуба – авантурные романы Понсона дю Террайля о мошеннике Рокамболе, столь модные и по сей день среди непритязательной читающей публики, а последний из трех

романов так и назывался «Клуб «червонных валетов»; или шулерство в карты, когда на руках одного из будущих «валетов» подсудимого Огонь-Догановского скопилось враз четыре червонных вала? По сути, это не столь и важно. А важным является то, господа, что организация эта оформилась, и члены ее, пока что в количестве девяти человек, приняли устав и тайное приветствие друг друга – провести кончиком согнутого указательного пальца по переносице. Показательно, что сей знак был позаимствован «валетами» у австралийских каторжников и впоследствии перенят многими европейскими и американскими уголовными элементами, специализирующимися на мошенничестве, надувательстве и прочих аферах. Так что вы, господин судья, и вы, господа присяжные заседатели, можете убедиться, к чему имели тягу эти люди, находящиеся в данный момент на скамье подсудимых.

По залу снова пробежал шумок, а Муравьев, весьма прибодренный, продолжал:

– Из девяти, так сказать, основателей «Клуба червонных валетов» восемь присутствуют здесь, в зале суда, в качестве подсудимых. Это купеческий сын Симонов; сын тайного советника Давыдовский, присвоивший себе титул графа; нижегородский помещик и многоженец Массари; профессиональный игрок в карты Огонь-Догановский и четыре совсем юных прожигателя жизни Неофитов, Брюхатов, Протопопов и Каустов. Девятым, кой единогласно был избран председателем клуба и его бессменным руководителем, был сын генерала от артиллерии Павел Шпейер. В настоящее время Павел Карлович не находится на скамье подсудимых, а пребывает в Париже, но наказание его лишь вопрос времени, поскольку, как известно, между Россией и Францией уже подписана конвенция о выдаче государственных и уголовных преступников.

Николай Валерианович перевел дух и продолжил:

– Первоначально дела «валетов» не отличались ни масштабом, ни выдумкой. Они по большей части пробавлялись мелкими аферами шуток ради да обыгрывали в карты разную подгулявшую публику, забредшую, с позволения сказать, в *заведение* Симонова. Однако позже, со вступлением в клуб таких лиц, как фальшивомонетчик Яков Верещагин, дважды судимый за финансовые махинации Голумбиевский, бухгалтер Учетного банка Щукин, судебный нотариус Подковщиков и чиновники различных ведомств Плеханов и Мазурин, «валеты» отыскивали, наконец, способы проведения крупномасштабных махинаций и надувательств. Как видите, результат не замедлил сказаться: все вышеуказанные лица также присутствуют в зале суда на скамье подсудимых. Иными словами, как гласит известнейшая русская поговорка – сколь веревочке ни виться... Далее вы можете продолжить сами.

Сказав еще несколько, по мнению самого Муравьева, *ударных* фраз, он поблагодарил за терпение председательствующего суда и господ присяжных заседателей и закончил свою речь.

Защитники, то бишь присяжные поверенные подсудимых, говорили долго, но их не особо слушали. Похоже, у присяжных заседателей мнение сложилось уже после речи прокурорского обвинителя Муравьева. И в конце судебного разбирательства заседатели, среди которых и правда большинство были честными людьми, вынесли каждому из всех сорока восьми обвиняемых «валетов» вердикт:

ВИНОВЕН

Конечно, наказания были разными.

Давыдовский, Верещагин, Плеханов, Массари, Неофитов, Дмитриев, Протопопов, Огонь-Догановский и Каустов были приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь – слава богу, Западную. Это было все же лучше, чем Сахалин, пусть даже Южный.

Кешу Симонова и Тараса Голумбиевского суд приговорил по низшей мере наказания к отдаче в арестантские отделения на четыре года, с лишением всех особенных прав и преимуществ.

Вольдемара Долгорукова суд приговорил к трем годам тюремного заключения с лишением особых прав.

«Маркиз» де Сорсо резолюцией суда был приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжные работы в Вологду, где и окончил свои невеселые дни.

Султан Эрганьянц, нахичеванский купец с кликухой Шах, был отдан на принудительное лечение в смирительный дом, потому как еще до оглашения судебного приговора пустил изо рта обильную желтую пену и громогласно объявил себя «царем всех армян» на весь зал заседаний. Через три четверти часа после того, как он потребовал у председательствующего вернуть ему корону и скипетр, приставы взяли Шаха под белы ручки и вывели из зала, передав его санитарам из желтого дома.

Остальные «валеты» резолюцией суда были приговорены к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и имуществ с отдаванием в исправительные арестантские отделения от шести месяцев до двух лет.

Пять искренне раскаявшихся прямо на судебном следствии мошенников, не принимавших участия в крупных аферах, в том числе и потомственный почетный московский гражданин Мазурин, были наказаны огромными штрафами и общественным порицанием, после чего зареклись преступать закон даже в мелочах. И, кажется, сдержали слово.

Уже через год после памятного заседания о нем мало кто вспоминал. Еще через два года его вытеснили не менее громкие дела, где главными фигурантами являлись душегубцы с ярославской дороги и мздоимцы из московского губернаторского дома. Через три года оно напомнило о себе мошенниками, занимавшимися продажей фальшивых векселей.

А потом – миновало и три с половиной года...

Часть I

Вольдемар Долгоруков

Глава 1

Приехали, барин

Жарким июльским утром 1880 года к казанской пристани пароходной компании «Надежда» пришвартовался новенький двухпалубный пароход «Императрица Елисавета». В числе прочих пассажиров на каменистый берег сошел плотный молодой мужчина лет двадцати восьми. Был он при усах и аккуратно подстриженной русой бородачке, в добротном в бледно-белую полоску костюме из английского сукна и с тростью черного дерева с роговой позолоченной рукоятью в левой руке.

Мужчина огляделся, подозвал расторопного татарина-извозчика и велел ехать на Воскресенскую улицу.

– Остановишь у «Европейской», – небрежно бросил он, плюхнувшись на сиденье.

Да, теперь он чувствовал себя вполне сносно. Не то что неделю назад, когда вышел из ворот Бутырского острога в сопровождении пристава, а в ушах еще звучали слова помощника начальника тюрьмы Шкляревского, читающего протокольную выписку:

«...Освободить из заключения в Бутырском тюремном замке Долгорукова Всеволода Аркадьевича за истечением срока наказания с запрещением проезда, остановки и проживания в столице Российской империи городе Санкт-Петербург, а также губернских городах Москва, Киев, Минск, Харьков, Одесса, Смоленск, Варшава и Рига. Также ему запрещены остановка и проживание в губернских городах Лодзь, Вильна, Тула, Баку, Кишинев, Ростов-на-Дону. Помимо вышеуказанного, запрещается проживание в губернских городах Российской империи Николаев, Ташкент, Саратов, Рязань, Пермь, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара...»

Выходило, что из губернских городов проезжать, останавливаться и жить можно было только в Томске, Тобольске, Енисейске, Вологде, Казани да вот еще Астрахани.

Вологда отпала сразу – само слово вызывало у Долгорукова скуку и зевоту. К тому же Вологда наряду с Соловками была испокон веков местом каторги и ссылки государственных преступников, разбойников и прочих уголовных элементов. Вдобавок именно здесь полгода назад помер от сердечного удара «маркиз» де Сорсо. Был он настоящим маркизом или не был – «валетов» не очень интересовало. А вот марвихером под кличкой Маркиз он был незаурядным. Словом, сие место – Вологда – надлежало обходить за сотни верст и уж никак не проживать в нем или даже останавливаться на время.

Не было тяги и желания отправиться в Сибирь, хотя на какое-то время промелькнула мысль податься в Тобольск, где коротали свои денечки его приятели, лучшие «червонные валеты»: старейшина и держатель общей казны клуба Алексей Васильевич Огонь-Догановский и Африканыч – Самсон Неофитов. Там же тянули ссылную лямку еще семеро «валетов», в том числе «граф» Давыдовский и «землевладелец» Массари, светский лев и охотник за вдовушками с солидными капиталами. По тюремной почте до Вольдемара доходили слухи, что все девять «червонных валетов» живут в Тобольске весьма нескучно, втерлись в доверие к высоким чиновникам и накоротке с самим губернатором. А в тамошнем драматическом театре, надо сказать, старейшем в Сибири, при аншлаге идет пьеса Давыдовского «В краях сибирских», которую вот-вот поставит в Москве Пушкинский театр с Андреевым-Бурлаком и Южным в главных ролях.

И все же в Сибирь, пусть и Западную... Причем добровольно... Нет, господа, боже упаси!

Ежели взять Астрахань, то в ней он никогда не был. Помимо того, как думал Долгоруков, там может быть слишком жарко и пыльно. И после недолгих раздумий была выбрана середина – Казань. Бывать в ней ему уже доводилось, с городом были связаны весьма приятные воспоминания, да и первая его афера была совершена именно здесь. Вследствие этого в кармане пристава, который вышел из тюремных ворот вместе с Вольдемаром, имелся билет на пароход третьим классом именно до Казани.

Пристав взял извозчика и препроводил бывшего арестанта до пристани. Ни полицейский, ни сам Вольдемар Долгоруков не заметили парня из цеховых в картузе с треснутым лаковым козырьком, который явился, словно из воздуха, и двинул вслед за ними. Не заметили они и слегка прихрамывающего гражданина с тростью, одетого в дорожный клетчатый костюм и с саквояжем в руке, в пенсне с синими солнцезащитными стеклами на носу, которое еще несколько лет назад носили преимущественно народовольцы. Гражданин в народовольческом пенсне стоял на другой стороне улицы и разговаривал со сторожем богатого особняка напротив, не обращая вроде бы ни малейшего внимания на вышедших из тюремных ворот Вольдемара и пристава. Он лишь кинул беглый взгляд в их сторону и продолжил неторопливую беседу. Более пристально он посмотрел в сторону шедших к извозчицкой бирже Долгорукова и полицейского, когда за ними увязался цеховой парнишка в картузе. По лицу его пробежала тень некоторого беспокойства, однако он закончил беседу со сторожем и, несмотря на явное социальное различие, вежливо с ним распрощался, приподняв шляпу, как и подобает воспитанному господину, принявшему всей душой долгожданные демократические преобразования в России. Затем неторопливой походкой он отправился в сторону биржи, где следом за первой парой и цеховым в картузе нанял извозчицью пролетку.

– Во-он за теми господами, голубчик, – произнес господин в пенсне с солнцезащитными стеклами и указал тростью в спины Долгорукова и пристава. – Только смотри не упusti.

– Не упустим, ваш бродь, – ответил с готовностью извозчик, явно приняв господина в пенсне за агента тайной полиции.

Через некоторое время возле одной из пристаней пароходной компании «Надежда» одна за другой остановились две пролетки, третья встала поодаль, у здания управления.

Из первой вышел плотной позитурой среднего роста господин при бородке и усах, одетый в визитный костюм, знавший, надо полагать, лучшие времена. В руках у него ничего не было. Следом вышел приехавший вместе с ним полицейский пристав с бронзовой медалью на груди за участие в русско-турецкой кампании. Вместе они ступили на пристань, где уже завел свою бельгийскую машину новенький двухпалубный пароход «Императрица Елисавета». Их никто не провожал; скорее походило на то, что кто-то один из них провожал в дорогу другого. Они молчали, словно были расстроены расставанием, когда выходили из пролетки, когда шли до пристани, когда один из них, тот, что был в визитном костюме, ступил на пароходные сходни. Впрочем, если присмотреться, на друзей они не походили, как и на добрых знакомых тоже...

Из второй пролетки, как только она остановилась у пристани, почти стрелой выскочил и помчался к билетным кассам цеховой в картузе с треснувшим козырьком. Он явно торопился успеть на отходящий в скором времени пароход «Императрица Елисавета». Позже он был замечен в самом хвосте пассажирской публики, садящейся на пароход. Нет, не приставом с геройской медалью на груди – тот не сводил взора с плотного господина в визитке. Цеховой, как, собственно, и плотный мужчина при усах, бородке и без багажа был замечен господином в народовольческом пенсне с солнцезащитными стеклами, приехавшим на третьей пролетке. Приподнявшись на продавленном многими седоками кожаном сиденье, он очень внимательно следил за ними обоими до тех самых пор, покуда капитан не отдал команду убрать сходни и «концы» и «Императрица Елисавета», прощально прогудев, задрожала всем корпусом и медленно отошла от причала, усиленно вспенив вокруг себя воду. Дождавшись, когда пароход отойдет на приличное расстояние, господин в народовольческом пенсне хмыкнул про

себя и велел извозчику трогать. А «Императрица Елисавета», набирая обороты и развернувшись, поплыла, оставляя за кормой расширяющийся раструбом след.

* * *

Что такое, господа, третий класс на пароходе?

Это многоместные каюты без удобств в самом низу, в трюме, где нескончаемо шумит бельгийская паровая машина. Гул, вонь, крохотные оконца-иллюминаторы, законопаченные наглухо, никаких удобств и койки в два этажа. На нижнюю палубу выходить еще можно, на верхнюю – нет возможности. Даже ежели вы прилично одеты, вас развернут обратно, потому как на верхней палубе гуляет публика, состоящая сплошь из пассажиров первого класса. И вам туда нельзя, хотя ныне в России все сословия как бы равны.

Первый же класс, господа, – это просторные светлые каюты с ватерклозетом, душем, а то и ванной комнатой; роялем в общей гостиной и ломберными столами под зеленым сукном, ежели пассажирам вдруг захочется перекинуться в дурака, сыграть в баккара или сметать банк.

Это мягкие удобные диваны, на которых можно комфортно расположиться после обильного обеда и подремать в приятной истоме, выкурить сигару или почитать свежие газеты, которые доставляются сюда ежедневно специальным курьером.

Есть в гостиной и эстрада, на которой по желанию господ пассажиров первого класса можно послушать молоденьких певичек и даже свести с ними более близкое и весьма пикантное знакомство. Еще можно вечерами ухахатываться над солоноватыми шутками Бима и Бома, над которыми вы бы даже не улыбнулись, слушая их в Петербурге или Москве, и попытаться разгадать фокусы, что на ваших глазах покажет какой-нибудь «магик и чародей Фернандино Берлускони», следующий, скажем, из Парижа в Бомбей проездом вместе со своей «очаровательнейшей ассистенткой Жаклин». И никому нет дела до того, что Фернандино Берлускони – никакая не мировая знаменитость и не итальянец, а просто цирковой фокусник уездного театрала по имени Федя Маслодурев, работающий по дивертисментам и старательно ломающий язык на итальянский манер. А ассистентка Жаклин на самом деле вовсе никакая не Жаклин, а его невенчанная супружница Клавира Померанцева из того же захудалого уездного театрала. Первый класс, милостивые государи, – это общая столовая, такая же огромная (конечно, по меркам парохода), как гостиная зала. Это отличная кухня, изысканные блюда. Это, по желанию, конечно, лучшие французские десертные вина вроде «Шато», «Шабли» или «Бургонь» до трехсот рубликов за бутылку. Да что там триста рублей! Недавно в Петербурге бутылка коллекционного «Шато д'Икем» урожая 1787 года была куплена известным коллекционером вин графом Тучковым, как о том писали газеты, за семь с половиной тысяч рублей! Шутка ли: такое вино пил еще Людовик XVI, а в Североамериканских Штатах еще только собирались выбирать своего первого президента. Такая бутылочка через семь лет займет вековой возраст и будет стоять уже как минимум десять тысяч рубликов. А еще лет через десять-двенадцать – все пятнадцать! Неплохое вложение капиталов... Да-с!

Второй класс, судари вы мои, это нечто среднее между описанными первым и третьим классом, с некоторым тяготением к третьему. В нем колесят мелкие чиновники, коммивояжеры, мещане, имеющие кое-какую собственность, и театральные труппы, ангажированные каким-нибудь губернским провинциальным театром. Еще вторым классом путешествуют всяческого рода мошенники и воры средней руки, имеющие возможность для реализации своих законопреступных и богопротивных намерений попасть как на нижнюю палубу, так и на верхнюю.

Каюта третьего класса, куда Вольдемару был куплен билет, была, как и все прочие, неимоверно тесна и неизменно вонюча. Пахло прошлогодним луком, водочным перегаром и заста-

релыми портянками, которые какой-то деятель от сохи развесил на спинке своей кровати, а сам, гад, ретировался на палубу. Долгоруков, недолго думая, решил сделать то же самое (то бишь не развесить свои носки сушиться, а выйти на палубу), надеясь занять какую-нибудь скамейку, дабы на ней скоротать предлинный день. Как он будет проводить ночи в своей каюте, Вольдемар даже не представлял.

А на нижней палубе вовсю кипела жизнь. Путь – кому до Нижнего Новгорода, кому до Казани, как и Долгорукову – еще только начинался, а пассажиры третьего класса уже столь основательно обжились на пароходе, будто провели на нем немалую часть своей жизни. Большинство из них уже что-нибудь жевало. Вольдемар не раз примечал, в том числе и за собой, что как только начинается какая-либо дальняя дорога, будь то в поезде или на пароходе, тотчас приходит зверский аппетит, требующий немедленного утоления.

Люди, по большей части, пробавлялись калеными яйцами с хлебом. Кое-где разливали водочку в припасенные стаканы, закусывая ее свежими, хрустящими на зубах, огурцами; в нескольких углах, уже откушав нехитрой снеди и приняв на грудь, играли в подкидного дурака или в «горку» на мелкую медь.

Пассажиры второго класса, как бы подчеркивая, что они нечто иное, нежели прочая публика на палубе, устроились за столиками с небольшими самоварами и попивали чай с вареньем и бубликами. Впрочем, картишки имели место и здесь. Как же без них! Можно было подсесть к ним и составить банчок вон с тем толстым господином в сюртуке, который весьма удачно понтировал, потому что лукавил. Это Долгоруков заметил сразу. Жульничал толстяк весьма умело, однако Вольдемар обыграл бы его в два счета: шулер пользовался приемами, которые для Долгорукова были просты и примитивны. Но Вольдемар не стал напрашиваться на игру. Ему хотелось примоститься где-нибудь, где не слишком тесно, и обдумать, что он будет делать дальше. В Казани у него не было ни друзей, ни просто знакомцев, а вот восемь рубликов, что лежали у него в кармане, были суммой, на которую не разгуляешься и в провинции.

На носу парохода оставалось еще несколько свободных мест. Долгоруков пошел было, чтобы занять место на скамейке, последней в ряду, но какой-то нахальный чумазый тип в татарском бешмете опередил его. Кинув на скамейку узел, чумазый уселся рядом, облокотившись на спинку и широко раздвинув ноги. Взгляд его, обращенный на Вольдемара, искрился победой и наглой усмешкой. Долгоруков в сердцах плюнул, резко повернулся и пошел в конец парохода, где присел прямо на палубу, разогретую солнцем, и прислонился спиной к борту. Слава богу, здесь никого не было...

Его мысли были далеко отсюда, когда рядом с ним остановился парень из цеховых, в картузе с треснутым посередине лакированным козырьком. Вольдемар нехотя поднял на него взгляд и встретился со взором парня. Цеховой рассматривал Долгорукого в упор, нимало не смущаясь.

«Что надо?» – недовольный прерванным уединением, хотел было уже спросить Вольдемар, как парень тут же легонько провел согнутым указательным пальцем по переносице. Долгоруков быстро ответил подобным жестом. Парень, улыбнувшись и весело сдвинув картуз на затылок, огляделся и, очевидно, не заметив ничего, что помешало бы им немного поболтать без посторонних глаз и ушей, присел рядом с Вольдемаром:

– По Москве до сих пор рассказывают, как вы продали винокуренный завод графа Салтыкова в Тульской губернии саксонскому подданному, сказавшись племянником нашего добрейшего губернатора Владимира Андреевича. – Долгоруков только хмыкнул. Ввязываться в беседу не было желания. – Еще рассказывают про два поместья в Малороссии, что послужили залогом для получения вами банковского кредита в восемьдесят пять тысяч рублей. Вы стали легендой, Вольдемар Аркадьевич...

– Всеволод, – поправил цехового Долгоруков.

– Что?

– Милейший, я уже давно Всеволод, именно так меня и называли мои родители. Вольдемар же... умер. Почил, так сказать, в бозе.

Долгоруков сделал печальное лицо. Цеховой, подыгрывая ему, сдернул с головы картуз и шмыгнул носом. Долгоруков всхлипнул, быстро-быстро заморгал, и из глаз его скатились на щеку две крупные мужские слезы, оставляя после себя влажные дорожки.

– Потрясающе, – восхищенно произнес парень, проследя путь долгоруковых слез. – Как это у вас получается, Вольдемар Аркадьевич?

– Всеволод, – снова поправил Долгоруков парня.

– Ну да, конечно... Всеволод Аркадьевич.

– Простая тренировка, – усмехнулся Долгоруков.

– Я тоже пробовал.

– И что? – Долгоруков посмотрел на парня с интересом.

– Не получилось ни разу, – довольно печально произнес цеховой. – Может, секрет какой имеется?

– Имеется, – Всеволод как-то невесело заулыбался. – Ты, братец, терял кого-нибудь в жизни?

– В смысле?

– Ну, отец-мать живы?

– Нет.

– Ты плакал, когда они умерли?

– Нет, – не сразу ответил парень.

– Почему?

– Я их никогда не видел.

– Ясно, – произнес невесело Долгоруков. – Ну а бывало тебе жалко кого-нибудь до слез? Парень задумался. Потом, посмурнев лицом, произнес:

– Бывало.

– Кого? – спросил Долгоруков.

– У нас в приюте собачонок один жил приبلудный. Махонький такой. Почему-то больше всех ко мне привязался. Ну а я – к нему. Как увидит меня, хвостом машет и, представьте себе, улыбается. Я его подкармливал немного... Бывало, выхожу во двор, так он сидит, ждет. Меня ждет, не кого другого. А потом...

Парень замолчал.

– Что потом? – спросил Долгоруков.

– Потом он двух цыплят задавил. И сторож-татарин его убил. Взял за задние лапы и хрястнул головой об угол дома.

– Вот скотина, – заметил Долгоруков.

– Да, – согласился парень. – Я видел это, хотел ему помешать... Не успел. Плакал потом долго.

– Ну вот, – после недолгого молчания сказал Всеволод Аркадьевич. – Вот тот случай, который ты должен вспомнить, когда тебе надо будет пустить слезу. Причем вспомнить так, как будто все это произошло на твоих глазах только вчера. Нет, час назад! Понял? – Долгоруков посмотрел за борт на убегающую зеленоватую воду. – В нашем деле, братец, надобно играть. То бишь, по-другому, быть артистом больших и малых театров. Уметь перевоплощаться, так сказать, в предложенный или выбранный образ. Причем вживаться в свою роль так, чтобы потом ты сам не мог отличить, кто ты есть на самом деле...

Сева вдруг поймал себя на том, что говорит словами Павла Карловича Шпейера. Кажется, прошло не так уж и много времени, когда украденный портсигар привел его на Маросейку в дом Симонова, где он и увидел впервые председателя «клуба Червонных валетов». Нет, это он позже узнает про клуб, а пока что, вырвав портсигар, он ушел. Чтобы потом вернуться.

Потому что знакомство со Шпейером оставило в его душе такой след, какого не оставлял еще никто.

Даже Машенька Краснопевцева...

– А вы что вспоминаете, чтобы слезу выжать?

– Что? – не понял Долгоруков, погруженный в свои мысли.

– Вы, говорю, что вспоминаете, чтобы выжать слезу? – повторил вопрос парень.

– Я? Ну, я... Я обычно вспоминаю...

Он вдруг замолчал, снова уставившись в воду. Все-таки вода и огонь имеют какую-то притягательную для взора силу. И для мыслей тоже. Прямо магнетическую силу...

– Ладно, – обернувшись, наконец, к парню, произнес Долгоруков, – оставим это. Давай, что там у тебя.

Парень полез в карман и достал два паспорта.

– Вот, – сказал он. – Один настоящий, один... В общем, от настоящего почти не отличить. Вот вам билет в первый класс. Как мне было велено передать: негоже «червонному валету» третьим классом ехать... Вот и деньги, двести рублей. Просили извиниться за столь ничтожную сумму материальными затруднениями... Пожалуй, все.

Долгоруков принял бумаги из рук парня и сложил их во внутренний карман. Жить теперь было уже веселее...

Цеховой сошел на первой же остановке в Коломне. Сева проводил его взглядом и пошел в буфетную.

Когда он открыл дверь, на него пахнуло запахом жареного мяса и сдобной выпечки. Сразу же разыгрался аппетит. Денежки в размере четырехмесячной оплаты чиновника средней руки, лежащие теперь в его кармане, позволяли сделать приличный заказ, и он прошел в «белую» залу, где в отличие от залы «черной», закусывал и пил водку не «черный» люд, а пассажиры преимущественно первого класса.

Зала была пуста – обеденное время еще не подошло, – и это вполне устраивало Долгорукова. Не торопясь, он пересек залу и занял отдельный от прочих столик, сидя за которым, при желании можно было отгородиться от прочей публики портьерой.

Тотчас подскочил прилизанный половой, красноречиво покосился на поношенную «визитку» Севы, выложил на столик прејскурант и не очень почтительно застыл возле посетителя, ожидая заказа.

– Та-ак, – произнес Долгоруков, вчитываясь в прејскурант. – А принеси-ка ты мне, голубчик, кашки гурьевской с котлеточкой натюрель, севрюжку американ с хренком, кусочек... нет, два гранд патэ оглясе, икорочки зернистой и графинчик «Шато ла-Шапель» урожая шестьдесят второго года.

По мере оглашения заказа лицо полового все более вытягивалось и приобретало выражение несказанной почтительности, а спина становилась все более дугообразной. Когда же Сева сказал про вино, да еще урожая шестьдесят второго года, половой был уже сама исполнительность. Он мигом испарился, а когда материализовался вновь, выглядел крайне виноватым.

– Прошу прощения, ваше благородие, но у нас нет в наличии «Шато ла-Шапель» урожая одна тысяча восемьсот шестьдесят второго года. Приносим вам свои извинения, и...

– Тогда шестьдесят седьмого...

– Тоже, к сожалению, не имеем-с...

Будь Сева по-прежнему князем Вольдемаром Долгоруковым, да еще «племянником» его сиятельства Владимира Андреевича, московского генерал-губернатора, он бы учинил такой скандалище, каковой держателю этой буфетной не снился даже в страшном сне. И нужное вино сразу бы появилось, и не только указанного года, но и из надобной долины, и закуски бы обналичествовались, коих не указано в прејскуранте, и за обед не взяли бы ни гроша. Но Долгоруков Вольдемаром уже не был, а являлся Всеволодом, как по паспорту, так и по внутреннему

состоянию (тюрьма, брат, она многому учит), а посему скандал учинять не стал, но проявил выдержку и терпение.

И сказал совсем неожиданную для себя фразу:

– Вот как... Хм... Хорошо, а какое тогда, братец, имеется?

И когда половой назвал два более-менее подходящих урожайных года, выбрал одно из вин, лучшее.

Из буфетной он вышел насытившимся и малость хмельным. Мир казался доброжелательным и весьма приветливым, а будущее... Что ж, будущее во многом кует мы сами. Или так, во всяком случае, полагаем...

В Рязани пароход простоял два часа. Этого Севе хватило на то, чтобы посетить лучшую цирюльню и купить весьма приличный костюм английского сукна в полоску и трость черного дерева с роговой рукоятью. Еще он приобрел разного рода галантерейные вещички и большой дорожный чемодан, ибо известно, что пассажир без поклажи внушает опасение как насчет благонадежности, так и платежеспособности. Так что вышел в Рязани пассажир третьего класса, а вошел, правда, несколько в ином обличье – первого.

Каюта, в которой Всеволоду Аркадьевичу Долгорукову надлежало плыть до губернской Казани, была одноместной, как и подобает респектабельному господину, не желающему слушать храп соседа по ночам и не расположенному к обременительным беседам со случайным попутчиком. Шкап, кожаный диван с двумя креслами, вполне приличная прихожая с зеркалами до самого потолка, люстра на пятьдесят свечей, широченная французская софа, мягкие ковры на полу и личный ватерклозет. Словом, все было, как подобает.

К вечеру Вольдемар, то бишь Всеволод Аркадьевич, вышел в свет. Он выкурил сигару в гостиной, познакомился с двумя-тремя попутчиками («Всеволод Аркадьевич Долгоруков, не князь»), которые, как и он, плыли до Казани, и сыграл партию в баккара, набрав среди всех играющих наибольшее количество очков, ни разу не взяв третью карту.

Сева старался играть честно, придерживался умеренной карточной стратегии «Д’Аламбер» и сжульничал всего-то разик, когда ставка в игре перевалила за восемьсот рублей. Таким образом, когда пароход отчалил от Муром, держа путь на Нижний Новгород, в кармане у Всеволода Долгорукова лежала тысяча рублей. Ну, или почти тысяча.

Нижний прошли ночью. Потом были Козьмодемьянск, Чебоксары и Свияжск, напоминающий своим видом ежа, вместо колючек у которого – купола колоколен и кресты церквей и соборов.

Издали Свияжск казался городом-монастырем. Когда же подошли ближе, оказалось, что в этом уездном городке, некогда соперничавшем с Казанью, есть все, что положено городу: управа, гостиный двор, казначейство, тюремный замок, земская больница, кабаки, лавки и даже обывательские дома.

От Свияжска ходу до Казани оставалось два часа.

Скоро вдали завиднелись изрытые мастеровыми Услонские горы с разбросанными по их склонам селами, деревнями и дачами.

И вот он в Казани...

– Пыриехали, парин.

– Как, уже? – удивился Долгоруков, впавший в задумчивость, а посему не особенно следивший за дорогой.

– Ага, – ответил извозчик и, обернувшись, вытянул руку.

Долгоруков сунул ему в заскорузлую, загорелую до черноты ладонь серебряный полтинник и вышел.

– Казань-городок – Москвы уголок, – вслух произнес он где-то вычитанную фразу.

– Щиво, парин? – заинтересованно полюбопытствовал возница.

– Нищиво, – ответил Всеволод Аркадьевич и шагнул в услужливо распахнутые ливрейным бородатым швейцаром двери гостиницы.

Глава 2

Знакомство

В Бутырском центральном пересыльном замке сиделось, в общем-то, сносно. Стараниями присяжного поверенного Арнольда Оттовича Шмайзера, время от времени затевающего разные апелляционные жалобы и тяжбы, плюс еще радениями кое-кого из «верхов», Долгоруков так и не был отправлен этапом в «края отдаленные» и «застрял», что называется, в Бутырках на весь означенный срок. Так что скоро в своей камере на двадцать коек он сделался старожилом, а оттого и старшим в ней, коих на жаргоне фартовых стали называть «смотрящими». Прибавляла авторитета среди сокамерников и принадлежность Долгорукова к «Клубу Червонных валетов», слава о котором шла по всей России.

Помимо прочего, его так и не обрядили в арестантскую робу, и он весь свой срок проходил в «визитке» – темном однобортном парадном костюме, – помеси сюртука и фрака с круглыми фалдами, предназначенной для визитов в присутственные места. Потому как был взят под стражу прямо из кабинета одного весьма известного земского деятеля, собирающегося баллотироваться в гласные Московской городской думы. Ежели еще принять во внимание, что ежегодно, в день рождения Вольдемара, на его счет в тюремной кассе переводились из Парижа приличные денежные суммы, на которые можно было весь последующий год вполне сносно отовариваться продуктами в тюремной лавке, то следует признать: да, арестанту Долгорукову три с половиной года «крытки» не показались каторгой. Хотя медом, конечно, их тоже не назовешь. Ибо неволя есть неволя. А денежки... Вольдемар знал, откуда они. От Паши Шпейера...

Познакомился Долгоруков с ним случайно, так ему тогда думалось. Теперь, по прошествии восьми лет, он так больше не полагал. Ибо случайностей в жизни попросту не бывает. И не мы выбираем дороги, а дороги – нас.

А произошло это знакомство в один из апрельских дней одна тысяча восемьсот семьдесят второго года, когда действительный студент выпускного курса юридического факультета Сева Долгоруков только что сдал на «отлично» свой последний экзамен и был безмерно счастлив. Ну, или почти безмерно.

В душе бушевала весна, на улице – тоже. Полнейшая гармония! И Сева со своим приятелем Сергеем Юшковым, с которым вместе снимали на двоих квартиру на Маросейке близ церкви Космы и Дамиана, решили погулять по Воздвиженке. Это была их любимая улица, дышащая историей, как они считали, больше других московских улиц и переулков. Здесь стояли древние хоромы бояр Нарышкиных и Стрешневых, дворцы Шереметева, Голицына и Разумовских; здесь улица украшалась прекрасным особняком золотопромышленника-миллионщика Базилевского, освещаемым по вечерам газовыми фонарями; цирком Гинне и, конечно, Арбатской площадью.

Было легко и весело; хотелось петь и целовать всех барышень подряд, попадавших им навстречу без кавалеров.

– А пошли в Думу, – предложил Юшков, разглядывая очередную витрину объявлений. – Там нынче в лотерею играют.

В здании городской Думы была толпа народу, и к лотерейным билетам Сева с приятелем протиснулись не сразу.

– Мне два билетика, будьте так добры, – сказал Долгоруков, сунул руку в карман и застыл.

– Ну, давай, бери, что же ты! – заторопил его Сергей.

– Портсигар украли!

– Что?

– Портсигар украли фамильный, подарок отца, – дрогнувшим голосом произнес Всеволод.

Сева стал осматриваться и увидел рядом с собой элегантно одетого франта с прилизанными волосами.

– Это он, касатик! – сказала Долгорукову невесть откуда взявшаяся крохотная старушка, указывая на франта.

– Что? – не понял Сева.

– Да он, хлыщ этот самый, у тебя, касатик, из карману что-то вытащил и другому такому же хлыщу в толпу передал. Своими глазами видела, милостивец ты мой. Чай, не слепая!

Всеволод Долгоруков поднял помрачневшее глаза на франта. Тот дернулся было, но Сергей уже крепко держал его за руку.

– Вы не имеете права, – торопливо произнес франт, пытаясь высвободиться из цепких рук Юшкова. – Это возмутительно! Я решительнейшим образом протестую против подобного со мной обращения!

– Верни портсигар!

На крик подошли усатые крепкие ребята из ближайшей полицейской части, вежливо поинтересовались, что произошло, и, выслушав, повели вдруг затосковавшего франта в участок.

– Он, он это, – семенила за ними старушка. – Своими глазами видела, милостивцы вы мои... Руку-то ему в карман, а там блеснуло что-то...

Из участка Сева с Сергеем отправились обедать. Долгоруков был явно расстроен и, не доев, скоро распрощался, так и не сказав, куда направился.

Он вернулся часов в шесть вечера, раскрасневшийся и весьма возбужденный.

– Ты откуда такой? – спросил его Сергей.

– Потом расскажу, – быстро ответил Сева и ушел в свою комнату.

– Да что случилось? – прошел вслед за ним Сергей и увидел, что Сева достает из комода «Смит и Вессон», оставшийся после отца, служившего в молодости прапорщиком на Дальнем Востоке. – Это зачем?

– Надо, – ответил Всеволод.

– Не пуцу, пока все не расскажешь, – безапелляционно заявил приятелю Юшков.

– Нельзя, ты можешь испортить все дело, – ответил Сева.

– Не испорчу. Говори, – не отставал Серега.

– Ладно. Я ходил в участок, разговаривал с вором.

– Тебе разрешили?

– Разрешили. Ты же знаешь, полицеймейстер мой родственник...

– Так, дальше...

– А вор попался упрямый, как осел. Долго запирался: никого не знаю, ничего, мол, не ведаю... Тогда я обещал ему, что если он поможет вернуть портсигар, я вытащу его из участка. Насилу согласился. Потом написал записку к своим коллегам по ремеслу, дал их адрес и взял с меня честное слово, что я ничего никому не скажу. И пойду к ним один.

– А что за адрес? – спросил Сергей.

– Ты не поверишь, это на нашей... – начал было Сева, но, спохватившись, произнес: – Тыфу ты, не могу, извини. Я же слово дал. В общем, жди меня через час.

Нет, Долгоруков не боялся идти в логово законопреступников. Просто немного смушал адрес: Маросейка, дом Симонова. Он знал этот дом, что стоял почти напротив храма Николы Чудотворца и имел репутацию пресветлого. То бишь дома с девочками...

Сева не без волнения подошел к шикарному подъезду и постучал в дверь тяжелым медным кольцом. Двери почти тотчас открылись, и весьма премиленькая горничная спросила:

– Вам кого?

– Я по записке... Вот, – ответил Долгоруков и показал горничной клочок бумаги. – Мне нужен господин Шпейер.

– Проходите, – не очень уверенно ответила барышня и отступила на шаг, пропуская Севу в прихожую.

Потом они поднялись по мраморной лестнице на второй этаж, и в небольшой гостиной перед кабинетом-библиотекой горничная попросила подождать.

– Хорошо, – ответил Сева и покорно присел на диван.

Ее не было минуты две. Потом горничная вышла и жестом пригласила Долгорукова войти. И Сева вошел...

На него выжидательно уставились три пары глаз. Одна принадлежала смешливому молодому господину, почти юноше с легким румянцем на щеках. Он был щеголеват, черноглаз, а вздернутый нос делал его лицо немного нагловатым и крайне притягательным. Некая легкая азиатчина, которую едва можно было уловить в его облике, вместе со взглядом черных бездонных глаз и нахально вздернутым носом делали молодого человека столь обаятельно привлекательным, что ему с первого же взгляда невозможно было не довериться. Наверняка в него охапками влюблялись юные гимназистки и зрелые женщины, и охотно верилось, что он пользовался их доверчивостью. И вообще, из всей троицы, находящейся в комнате, он был самым располагающим.

Вторая пара глаз – серых, с легкой хитринкой – принадлежала простоватому на вид мужчине лет тридцати, который единственный из всех троих, был одет в домашний архалук, что позволяло предположить в нем хозяина дома, того самого Иннокентия Симонова, купеческого сына, держащего в своем доме «веселое» заведение, а иными словами, бордель.

Третья пара глаз – темно-карих и невероятно крупных – была особенно примечательной. Смотрели они пронзительно-ясно и одновременно весело. Было сразу видно, что их обладатель точно знает, что он хочет от жизни. И отчего-то верилось, что задуманное непременно исполнится. Ну просто не может не быть! Взор этих глаз, казалось, никогда не выражал сомнения или нерешительности. По крайней мере, так показалось Севе поначалу. Господину с пронизывающим взором, судя по всему, не было еще и тридцати. И, похоже, в этой троице он был главным. Очевидно, это и был тот самый Шпейер, о котором говорилось в записке.

– Вы кто? – спросил он.

– Я – Долгоруков, – ответил Сева с некоторым вызовом.

– Это мы видим, что *долго-руков*, – насмешливо произнес обладатель пронзительного взгляда, окидывая взором крепкую фигуру Севы. – Иначе в эти апартаменты вы попросту бы не попали.

– А вы – Шпейер? – спросил Сева.

– Да, – ответил тот. – Я – Шпейер. Павел Карлович. А это мои друзья: Иннокентий Потопович Симонов, – Шпейер указал поворотом головы на мужчину в архалуке, – и Самсон Африканыч Неофитов, – Павел Карлович посмотрел теперь на смешливого господина с румянцем на щеках, и тот располагающе улыбнулся.

– Долгоруков, Всеволод Аркадьевич, – сказал в свою очередь Сева, соблюдая нормы приличия. – Дворянин.

– Очень приятно, – сказал Шпейер. – Присаживайтесь.

– Благодарю, – сел Сева на свободное кресло.

– А вы и вправду Долгоруков? – спросил вдруг Неофитов.

– Да, – ответил Сева. – Только не князь.

– Значит, вы не родственник нашего многоуважаемого губернатора Владимира Андреевича? – снова спросил Неофитов. – Ну, скажем, родной племянник?

– Нет, – несколько удивленно ответил Сева.

– Жаль, – с подкупающей искренностью констатировал Самсон Африканыч Неофитов.

– Очень жаль, – подтвердил Симонов.

И вся троица рассмеялась.

– А что здесь такого смешного? – недовольно спросил Долгоруков. – Что я не князь или что я не племянник генерал-губернатора?

– Дорогой Всеволод Аркадьевич, – доверительно произнес Шпейер, и взгляд его, смягчившись, сделался менее пронзителен. – Не сердитесь. Это мы не над вами смеемся, а о своем...

– О девичьем, – добавил за Шпейера Неофитов, и трое мужчин снова рассмеялись.

Нет, они не походили ни на громил, ни на уркаганов и на первый взгляд казались вполне приличными и добропорядочными людьми. Впрочем, как и при второй, и при третьей встречах.

– Итак, господин «Долгоруков-некнязь», позвольте полюбопытствовать, что за дело привело вас к нам, – обратился к Сева Павел Карлович Шпейер уже вполне серьезно. – Машенька сказала, что у вас есть какая-то записка?

– Да, вот она, – сказал Сева и протянул записку Шпейеру.

– М-да-а, – протянул Павел Карлович, прочитав записку. И посмотрел на своих друзей: – Господа, Поль попался с поличным.

Лица мужчин сделались серьезными. Повисло неловкое молчание. Затем Шпейер сказал Севе:

– Вы нас извините, *monsieur*, но мы вынуждены на минутку оставить вас поскучать в одиночестве... Ибо нам необходимо посоветоваться, – доверительно добавил он.

Троица, помрачневшая лицами, удалилась в соседнюю комнату. Минут десять Долгоруков просидел один, разглядывая на стеллажах корешки книг. У Симонова было что почитать, начиная от «Опытов» Монтеня и заканчивая немецкими готическими романами.

Наконец, Шпейер вернулся. Один.

– Мне очень неловко говорить вам это, мой друг, – глядя прямо в глаза Севе, начал Павел Карлович, – но мы не можем возратить вам портсигар сию минуту, так как он сейчас находится у одного из наших товарищей... Но завтра он непременно будет у вас.

Что ж, к такому повороту событий Сева был готов.

– Я так и знал... Заявляю вам, – твердо сказал он, – что портсигар мне нужен сегодня же; в противном случае я оставляю за собой свободу действий.

Глаза у Шпейера сделались скучными:

– Прошу прощения, я должен посоветоваться.

Он снова вышел и вернулся через минуту:

– Сколько вы желаете получить за ваш портсигар? Пятьдесят рублей? Сто? Двести?

Но Сева был непреклонен.

– Деньги мне не нужны, мне нужен портсигар.

– Хорошо, – раздумчиво произнес Павел Карлович. – Вы получите свой портсигар ровно через два часа... А вы и вправду сможете освободить нашего товарища?

– Да, – просто ответил Сева.

– Чаю?

Он просидел эти два часа со Шпейером. Павел Карлович оказался очень интересным собеседником со своим, оригинальным образом мыслей, которые – Всеволод не побоялся признать себе в этом – в достаточной степени импонировали и ему самому. Впрочем, его жизненная философия была нехитра. Конечно – в жизни лучше, да и здоровее исполнять собственные желания, нежели чужие, и жить так, как ты хочешь сам, а не как хотят другие. Конечно – для мужчины важнее всего независимость. От обстоятельств и начальства, от женщин и обязательств, которые в тягость. Конечно – жить весело интереснее, нежели жить скучно. И некий риск в жизни обязательно должен присутствовать. Иначе можно покрыться плесенью раньше

отмеренного природой срока. Или мхом, что ничуть не лучше. И уж не требует никаких доказательств то, что гробить свою жизнь на получение чинов и званий, кланяясь, виляя копчиком пред сильными мира сего и наступая на горло собственной песне (если она у вас, конечно, имеется), есть несомненная глупость, и дается она, жизнь, совершенно для иного...

Много еще о чем успели поговорить Павел Карлович и Всеволод Долгоруков. И когда вернулся Неофитов с каким-то пожилым господином – тогда этот господин показался Севе весьма пожилым, но по мере знакомства это впечатление полностью исчезло – и выложил на столик перед Долгоруковым фамильный портсигар, Сева и Павел Карлович стали почти друзьями. Наверное, эти два часа и повлияли на выбор, который Сева позже сделал, вполне отдавая себе отчет и совершенно осознанно. И стал «валетом»...

– Вот, – весело произнес Африканыч, как его называл пожилой господин. – Получите в целости и сохранности.

– Все в порядке? – поинтересовался Шпейер в своем обычном насмешливом тоне.

– Да, – ответил повеселевший Сева.

– Познакомьтесь, – Павел Карлович указал на пожилого господина, – мой добрый товарищ и друг, Алексей Васильевич Огонь-Догановский, столбовой дворянин. А это, – Шпейер доброжелательно посмотрел на Севу, – мой новый друг Всеволод Аркадьевич Долгоруков.

– Весьма приятно, – сказал Огонь-Догановский, охотно пожимая Севе руку. И вдруг задал вопрос, который Долгоруков уже слышал: – А вы не князь? Не родственник ли случаем нашему добрейшему генерал-губернатору Владимиру Андреевичу?

– Нет, – привычно ответил Сева. – Не князь и даже не родственник.

– Жаль, – протянул Алексей Васильевич уже слышанную Севой фразу.

И Долгоруков снова удивился:

– Почему жаль?

Это позже он поймет, почему всем было «жаль», когда заделается и «князем», и «племянником» московскому генерал-губернатору и сиятельству князю Долгорукову. А тогда... Тогда этот вопрос не давал ему покоя, даже когда он покинул этот странный и одновременно очень располагающий дом.

– Надеюсь, вы спрячете револьвер, который принесли с собой, снова в дальний ящик стола? – услышал Сева насмешливое.

– Д-да, – сконфуженно произнес Долгоруков и почувствовал, как шею и уши заливают горячая краска.

– Да вы не волнуйтесь, – сказал Шпейер и понимающе посмотрел на Севу. – Вы все сделали правильно. А теперь дайте честное слово, что, выйдя отсюда, вы забудете все, что с вами произошло.

– Забуду... Честное слово, – ответил Сева.

Шпейер удовлетворенно кивнул.

– И помните, что вы обещали освободить Поля, – добавил он.

– Помню, – сказал Сева.

– Прощайте.

– Прощайте, – ответил Сева и покинул дом. А потом отправился освобождать этого Поля. Что ему не сразу-то и удалось.

А еще через неделю Всеволод Аркадьевич вновь решил побывать в этом доме и нашел там желанный и горячий прием со стороны его обитателей, в том числе и освободившегося Поля. Потом пришел еще раз, а скоро и вовсе стал захаживать по-свойски. Не к девочкам, разумеется: Долгоруков был не любителем ласк за деньги и любви во исполнение обязательств. Он ждал настоящего. И дождался, будь оно неладно, ибо с ним приключилась первая настоящая любовь. А у многих она бывает счастливой? То-то и оно, что нет. После разрыва со своей любовью

Сева – что греха таить – стал посещать и девочек. Но это уже будет в бытность его «червонным валетом» и почти сразу после его первой крупной аферы...

Глава 3

Первая афера

В гостинице Всеволод Долгоруков снял лучший номер с ванной комнатой, залой, спальней и кабинетом. Да и как иначе, ежели он записался в гостиничном журнале для приезжих как «сиятельство», то бишь князь, Всеволод Аркадьевич Долгоруков? А сие обязывало соответствовать.

В номере он внимательно осмотрел себя перед зеркалом и спустился в ресторацию. Он хорошо помнил ее. За семь лет здесь мало что изменилось. Вот разве что появились газовые фонари...

Откушав золотистой ушицы с гренками, шниц по-венски и жареных чирков, запив все это стаканом благородного «бордо», Всеволод Аркадьевич неторопливо закурил папиросу с золотым ободком и спросил у полового свежие газеты.

– Какие желаете-с? – поинтересовались у него. – Столичные, московские, местные?

– Местные, – ответил Сева и невольно усмехнулся.

Именно с этого вопроса и началось его первое дело, первая крупная афера, принесшая ему «действительное» членство в «клубе червонных валетов» и уважение товарищей...

* * *

А дело было восемь лет назад, в 1873 году, правда, не в знойный июль, как ныне, а в прохладном мае. Так же, как сейчас, остановившись в «Европейской» и отобедав в ресторации, Всеволод Аркадьевич, а по документам дворянин Вольдемар Аркадьевич Панченко, неторопливо закурил «дукатовскую» папиросу тогда еще ручной крутки и спросил себе свежие газеты. Афера уже была тщательно подготовлена, на ее исполнение была затрачена весьма изрядная сумма, и оставалось только найти фигурантов для «разводки». То есть подходящую цель. А еще лучше – цели!

– Какие газетки желаете-с? Столичные, местные? – поинтересовались у него.

– Местные.

– Какие изволите наименования?

– Такие, чтобы было побольше разных объявлений, – уверенно ответил молодой человек.

Его устроил «Казанский телеграф», в котором две страницы из четырех были посвящены разного рода рекламным и иным объявлениям и предложениям всяческих услуг.

Всеволод внимательно вчитывался в объявления.

ЩЕТКИ

Зубные, головные, платяные, ногтяные, сапожные и проч., всевозможные гребни и расчески в БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ предлагает

Аптекарский магазин

Г. В. Майзельс

МАГАЗИНЫ 1. Рыбнорядская, д. Галкина.

2. Проломная, д. Жадиной, близ церкви Богоявления.

Вольдемар сделал какие-то пометки в своей памятной книжке с серебряным переплетом и принялся изучать объявления дальше.

Мебельный магазин, столярные и обойно-драпировочные мастерские

К. И. Мальмберга

Переведены

*Казань, Угол Большой Проломной и Гостинодворской, д. Щербаковой.
Большой выбор мебели. Цены умеренны.*

Врач

И. К. КЛИМОВИЧ

М.-Лядская, д. Лисовского.

Прием по внутренним болезням от 5–7 веч.

«Панченко» снова сделал пометки в памятную книжку, а следующее объявление записал с особой тщательностью.

ВСЕ НОВОСТИ ЛЕТНЕГО СЕЗОНА

Модели шляп, сак-жакеты.

Последняя новинка сезона фасон «Люкенс»,

получены в магазине

Н. Н. Циммерлинг

Воскресенская ул., д. Семинарии.

Колоссальный выбор шляп, модели французских и варшавских фабрик.

Богатый выбор цветов, лент и перьев. Прием заказов и переделки, изящная работа. Цены гораздо дешевле других магазинов. Готовые жакеты, саки, блузки; для заказов солидный выбор материи. Дешево продается готовое мужское платье; для заказов лучшие материи. Цены дешевые.

Готовый к услугам Циммерлинг.

P. S. Покупатель, купивший платье и шляпу, пользуется скидкой 10 %.

Молодой человек спросил себе кофею, докурил папиросу, потом сложил аккуратно газету, расплатился и пошел осматривать город.

* * *

Ной Нахманович Циммерлинг, бывший портной, весьма быстро сколотивший хороший капитал скупкой и перепродажей краденых драгоценностей и открывший не так давно на самой центральной улице города магазин тканей и готовой одежды, ставший вскоре модным у казанской элиты, имел привычку говорить медленно, глядя прямо в глаза собеседнику. Вот и сейчас он, снисходительно глядя на юношу в крохотном котелке, плотно облегающем фигуру сюртуке поверх атласного жилета, узеньких модных брючках и лаковых штиблетах с белым верхом, медленно изъяснялся, отделяя иногда одно слово от другого многозначительной паузой:

– Ты, Зилик, пока что еще слишком (короткая пауза) молод, чтобы заниматься такими (многозначительная пауза) коммерческими операциями. Попробуй вначале что-либо попроще, Зилик.

– Что же? – покрываясь пунцовым румянцем, спросил собеседник (по всей видимости, Зилик).

– Существует, и это тебе, конечно, известно, Зилик, такое полезное заведение, как ломбард...

– Но дядя...

– Не перебивай (паузу можно было воспринимать за недовольство) меня, Зилик... Так вот: в это заведение люди несут всякие хорошие вещи на время и получают за них деньги, тоже-таки на время. И заметь, Зилик (просто пауза, безо всякого значения), человек, заложивший вещь в ломбард, получает за нее только часть (многозначительная пауза) ее стоимости.

Ему выдается квитанция, по которой вещь, заложенная в ломбард, может им быть получена обратно, если он, конечно, вернет деньги.

– Все это я знаю, дядя, но ведь...

– Я знаю, что ты знаешь, но дослушай-таки меня, Зилик, до конца... Итак, подходит срок выкупа заложенной вещи. Но у человека нет денег, чтобы выкупить ее. Глупый человек просрочит срок выкупа, и его заложенная вещь станет собственностью держателя ломбарда. Умный человек (пауза выглядела очень красноречивой), чувствуя, что ему не выкупить заложенную вещь, чтобы хоть частично компенсировать свои потери, продаст квитанцию другому, заинтересованному в этом лицу. А заинтересованное лицо, Зилик, идет в ломбард, предъявляет квитанцию и (пауза) выкупает заложенную вещь за цену, которая часто (значительная пауза) намного ниже реальной стоимости вещи. А затем он продает эту вещь за ее настоящую цену и остается с наваром, который, заметь, ему ничего не стоил. Понял, Зилик?

– Понял, – заулыбался Зилик. – А еще есть такие люди, дядя, которые, закладывая вещь, и не думают ее выкупать?

– Такие вещи очень часто есть вещи ворованные, Зилик. Но я вижу, что ты меня хорошо понял...

Дверной колокольчик звякнул дважды. Это значило, что в магазин, открыв и закрыв за собой дверь, вошел посетитель.

Ной Нахманович глянул в зал в оконце с зеркальным стеклом (такие стекла стали модными в последнее время даже у частных домовладельцев: изнутри в окно все видно, а с улицы – ничего, кроме собственного отражения). И увидел, что его приказчик беседует с невысоким плотным молодым человеком приятной наружности, одетым весьма и весьма прилично. В руке молодой человек держал дорогую костяную трость. По всему было видно, что сей клиент, вошедший в магазин, был, несомненно, состоятельным, а зажиточных господ Ной Нахманович обслуживал всегда лично. И клиенту приятно, и старому Ною в пользу...

– Так ты все понял, Зилик? – снова спросил Циммерлинг, поднимаясь со своего места.

– Да, все понял, дядя, – ответил понятливый племянник.

– Ну, ступай тогда. Передавай мои добрые пожелания тете Аде...

Зилик ушел, а Ной Нахманович вышел к молодому человеку, широко улыбаясь.

– Свободен, – сказал он приказчику, не поворачивая в его сторону головы, и тот немедленно дематериализовался. – Чем могу служить, сударь?

– Мне нужен костюм и шляпа, – несколько смущаясь, произнес плотный молодой человек с легким малоросским акцентом. Такому акценту, действительно малоросскому, Севе пришлось специально обучаться, будучи еще в Москве, у единственного хохла-«валета» Тараса Голумбиевского, потому как Паша Шпейер не терпел дилетантизма и любительщины и считал, что все их неудачи – а они хоть и редко, но случались – были именно из-за недостаточной подготовленности и непрофессионализма.

– На вас превосходный костюм, – сказал Циммерлинг и слегка тронул рукав пиджака. – Шили или покупали готовый?

– Шил, – ответил плотный молодой человек. – Видите ли, у меня фигура не очень, как бы это выразиться... стандартная.

– Ну что вы, – рассмеялся Ной Нахманович. – Фигура как фигура. Ничего особенного.

– Спасибо, – мягко улыбнулся Вольдемар.

– Итак, – Циммерлинг сделал жест, будто собирался заключить молодого человека в объятия. – Вы желаете купить готовый костюм или будете шить? У нас лучшие материи в городе. И лучшие модели шляп. Тоже во всем городе. Кстати, если вы приобретете костюм и шляпу одновременно (выразительная пауза), то приобретете и право на скидку в десять процентов. Такого, поверьте мне, молодой человек, больше вы нигде не найдете.

– В Париже, – промолвил его собеседник.

– Что? – не понял Циммерлинг.
– В Париже и Берлине тоже дают такую скидку.
– Что вы говорите? А вы бывали в Париже и Берлине? – искренне изумился Циммерлинг.
– Бывал, – опять немного смущаясь, ответил молодой человек. – По долгу службы.
– А где вы служите, если не секрет, конечно?
– Я доверенный одного частного лица, – не сразу ответил Вольдемар.
– И в нашем городе тоже по делу? – почти заговорщицки поинтересовался Ной Нахманович.

– Именно. Для того мне, собственно, и нужен еще один хороший костюм.
– И шляпа, – улыбнулся Циммерлинг, явно довольный клиентом.
– И шляпа, – улыбнулся молодой человек в ответ, правда, несколько рассеянно. – Видите ли, на пароходе у меня украли багаж с моим платьем, поэтому... Но зато, слава богу, все деньги целы, – и он достал из нагрудного кармана пиджака пузатенький бумажник, едва не выскочивший из его неуверенных рук.

– Да, – сочувственно произнес Циммерлинг, удивляясь про себя, как такого растяпу не обобрали догола. – Времена нынче пошли такие, что ухо надо держать востро...

Циммерлинг ушел за прилавок и вернулся с двумя модными костюмами и несколькими шляпами.

– Вот, – сказал Ной Нахманович. – Ваш размер, и все лучшее. Примерочная там.

Молодой человек отсутствовал недолго. В залу он вышел в новом синем костюме, сидевшем на нем как влитой, и модной фетровой шляпе, делавшей его несколько старше, но и солидней.

– Как это вам так удалось потрафить моему вкусу? – спросил молодой человек, сияя. – И размер тюфелька в тюфельку, и вообще...

– Опыт, молодой человек, опыт. Поживете с мое, так и вы будете знать, откуда дует ветер и почему фунт березовых шишек...

– А что, у берез бывают шишки? – засмеялся молодой человек.

– Не бывают, – серьезно ответил Циммерлинг. – Но почему фунт этих шишек, знать вы будете. С возрастом, конечно.

– Я вас понял, – сказал молодой человек, доставая бумажник. – Сколько с меня?

– Ну, теперь вы в таком костюме и шляпе очень даже просто решите все свои дела, – промолвил Ной Нахманович, отсчитывая молодому человеку сдачу с сотенной.

– Верно, – ответил тот. – В таком костюме и такой шляпе я быстрее найду себе компаньонов, которые... Ой... – Он запнулся и осторожно глянул на Циммерлинга. – Я, кажется, проговорился.

– Вы ищете компаньонов? – тихо спросил бывший скупщик краденого, а иными словами – барыга.

– Да, – не очень уверенно произнес Вольдемар.

– Тогда дайте объявление в газету, – простодушно сказал Ной Нахманович, словно не придавая значения заминке и неуверенности молодого и, похоже, не очень далекого умом посетителя.

– Боюсь, мое предприятие будет принято за шутку, – с печалинкой в голосе ответил молодой человек. – Да и дело это, я думаю, в широкой огласке не нуждается...

«Он думает, – едко произнес про себя Ной Нахманович. – Чтобы думать, полагается иметь мозги...» Вслух же Циммерлинг сдержанно полюбопытствовал, как бы мимоходом:

– А что за дело?

Молодой человек помолчал, как бы решая в уме, отвечать владельцу магазина на его вопрос или нет, а затем, «отважившись», произнес как можно более наивно и по-детски просто:

– А вы никому не скажете?

– Ну, – напустил на себя слегка обиженный вид Циммерлинг. – Не скажу, раз не велите.
– Да тут такое дело, что вели не вели... Ладно, – Вольдемар даже рубанул рукой воздух, решившись говорить. – Честно говоря, меня просто распирает кому-нибудь об этом рассказать. Все равно ведь придется, а иначе как я найду себе компаньонов. Ведь верно?

– Ну да, конечно, – неопределенно сказал Циммерлинг, на самом деле внимательно приготавливаясь слушать.

– Я – доверенный отставного майора Михаила Григорьевича Собакина, потомственного дворянина и землевладельца, – начал молодой человек. – Родственник его по женской линии... Да, я вам не представился: Вольдемар Аркадьевич Панченко, дворянин.

– Циммерлинг... Ной Нахманович и, скажу вам как другу, владелец лучшего в городе модного магазина. – Он улыбнулся: – Весьма, весьма приятно.

– И мне приятно, – ответил на улыбку Циммерлинга Вольдемар. – Тоже весьма.

– Продолжайте, пожалуйста, прошу вас.

– Я увлекаюсь археологическими изысканиями, – сделался серьезным «Панченко». – Окончил Харьковский университет, историко-филологический факультет. Был определен учителем гимназии в Нижний Новгород. Там и познакомился со стариком Собакиным. У него большая усадьба в Нижнем. Он пригласил меня обучать его детей, предоставил в пользование свою библиотеку. Знаете, какие у него великолепные собрания античных и арабских авторов, русские летописи, причем в неканонических редакциях? – Циммерлинг понимающе поджал губы, давая понять, что неканонические летописи его увлекают куда больше, чем продажа костюмов. – В университетах таких, верно, нет.

– Уверен, что нет.

«Панченко» сдвинул на затылок шляпу и стал натурально похож на хохла. Циммерлинг едва удержался, чтобы не улыбнуться.

– Ну, значит, обучаю я его детей, дочь и сына. На лето всем семейством они отбывают в свое родовое имение Козловку на Волге – красивейшее, знаете ли, место, да-а... Ну и я с ними. А остальные девять месяцев в году – в Нижнем. Занятия с детьми четыре часа в день, остальное время – мое. Я и пропадал в библиотеке хозяина буквально сутками...

Вольдемар бросил быстрый и незаметный взгляд на Циммерлинга: заинтересовал ли? Ключнул? Затем продолжил:

– И вот как-то однажды попадаете мне в руки одно странное сочинение, а в нем глава, посвященная новгородским да псковским ушкуйникам. – «Панченко» посмотрел на владельца магазина: знает ли тот, кто такие ушкуйники, и пояснил на всякий случай: – Ушкуйники – это речные пираты. С севера приходили. Оказывается, они в течение более чем полувека, с середины четырнадцатого и до конца первого десятилетия пятнадцатого столетия, наводили ужас своими набегами буквально на все Поволжье и Прикамье. Они даже города приступами брали и доходили аж до Каспия.

– Речные пираты брали города? – поднял брови Циммерлинг.

– Да, да, не удивляйтесь, города, – с жаром воскликнул «Панченко». – Они не единожды захватывали Нижний, Кострому и один раз даже Казань.

– Вот как?

– Да, именно так! – Вольдемар без всякого усилия показывал свою невероятную увлеченность, и у него на лбу от великого усердия даже выступили капельки пота. – Но суть не в этом. А в том, что все награбленное они прятали в пещерах... И где бы вы думали?

– Где? – делано равнодушно спросил Циммерлинг.

– Близ нынешней деревни Козловки! – воскликнул «Панченко». – Там у них было логово, разбойничий стан, штаб-квартира, так сказать. А ныне земли эти принадлежат...

– Отставному майору Михаилу Собакину, – закончил за «Панченко» Циммерлинг.

– Именно! – заулыбался Вольдемар Аркадьевич. – Вот именно. Конечно, пещеры эти найти теперь трудно: входы завалены, сами пещеры скорее всего обрушены – времени-то вон сколько прошло. Но отыскать их, я думаю, будет не так уж трудно; становище разбойников было в Большом Овраге, там еще ключ из земли бьет, о котором в древнем сочинении писано...

– И сколько там кладов, в овраге этом? – перебил увлекшегося молодого человека Ной Нахманович.

– Клады не в овраге, а в холмах. Пираты рыли в них пещеры, тайные ходы, лазы всякие и там прятали награбленное. Я думаю, таких тайников невероятно много; вряд ли разбойники доверяли друг другу, потому и долю свою прятали один от другого тайно в разные места...

– А не блеф ли все это? – с большой долей сомнения спросил Ной Нахманович. – Просто старинная легенда, не имеющая ничего общего с реальностью... Хотя и красивая!

– Не блеф, – горячо заверил Вольдемар Аркадьевич, бледнея от значимости того, что он сейчас намеревался сказать Циммерлингу. – Видите ли, один из кладов нашел я сам...

* * *

– ...а дальше он мне и говорит, что как нашел клад, к хозяину своему поехал, все ему рассказал. Предложил нанять рабочих, чтобы, значит, землю рыть и кладов искать. А старик Собакин ему: на какие, мол, шиши? Я детей-то своих еле содержу.

«А может, тогда эти земли продать?» – спрашивает его тогда этот Панченко. – «Ага, – отвечает старик. – Ежели продать, то и сокровища в них не нам принадлежать будут. Надо, – говорит, – их в аренду сдать, чтобы, значит, то, что в них находится, по закону – наше. А кладоискателям – только часть. Ну, скажем, десятую».

На том они и порешили. Собакин официально, через нотариуса, назначил Панченко своим доверенным лицом и отправил в Казань. Не хотел, чтобы в Нижнем о том знали, да и Козловка все же в Казанской губернии находится, – закончил Циммерлинг.

– Да, занятая сказочка, – отозвался на рассказ Ноя Циммерлинга его собеседник. – И ты всему этому веришь?

– «Верю не верю» – другой разговор. А проверить и перепроверить не помешало бы. И если все сказанное правда – тему эту надо будет скорее застолбить, пока другие не пронюхали.

Разговор происходил в ресторане Черноозерского сада, под супчик тарталет, осетрину натюрель с хреном и звуки дамского оркестриона под управлением великолепной Элочки Прейссинг. На летней веранде, где расположились Ной Циммерлинг и Еся Остерман, народу было немного – занято всего-то половина столиков; да оно и к лучшему.

– А как ты думаешь проверить все это? – спросил Остерман и подцепил мельхиоровой вилочкой кусочек осетрины.

– А ты в деле? – вопросом на вопрос ответил Циммерлинг. – Этот Панченко, кажется, недалек, да к тому же и не очень умен плюс ко всему очень молод – и все это внушает мне доверие.

– Любопытное заключение, – усмехнулся Еся. – Хотя, возможно, и верное.

– Так ты таки в деле?

– Если все это не досужий вымысел, то я в деле. Кого ты еще планируешь взять?

– Шмуэля Брауде, Арона Обермана, Гиршу Майзельса, Янкеля Каца, Зилика с Яцеком, – пусть на подхвате поработают, – быстро ответил Ной Нахманович.

Было видно, что он основательно продумал данный вопрос.

– А старика Кушнера? – заинтересованно спросил собеседник.

Циммерлинг отрицательно покачал головой.

– Старик вряд ли подпишется.

Циммерлинг помолчал, отпил глоток ароматного ликера:

– Значит, так. Ты проверь все про этих речных пиратов – ушкуйников. Пусть Яцек этим займется. Не зря ведь он уже два года штаны протирает на юридическом факультете...

– Так ведь на юридическом, Ной, не на историческом же. Это две большие разницы.

– Ну, не так уж они и далеки друг от друга, Еся, – возразил единоплеменнику Ной Нахманович. – А я куда съезжу, проверю, что там нашел Вольдемар Аркадьевич у Козловки этой...

Господин Есеевий Остерман, из мариупольских мещан, имел на Большой Проломной собственный двухэтажный дом, в котором на первом этаже помещался весьма прибыльный магазин. Торговал мещанин Остерман всем, что могло приносить какой-либо доход.

В его магазине можно было купить ружья, дробь, порох, пыжи и прочую охотничью дребедень.

Если вы строились, за арматурой надо было обратиться к Остерману. Равно как и за стеклами, в том числе зеркальными и цветными, лампами, подвальными иллюминаторами, клеем, досками, черепицей, гвоздями, шурупами и прочим ремонтно-строительным инструментарием.

Ежели в вашем доме образовался покойник, искусственные цветы и венки всех размеров также можно было приобрести у Есеевия Остермана.

Кроме того, Остерман принимал подряды на остекление частных и казенных домов, фабрик и заводов. Это его магазин торговал стеклянным кирпичом, из которого был выложен один из корпусов знаменитой алафузовской льнопрядильной фабрики, и его зеркальные окна в частных домах отражали взгляды прохожих в небедных кварталах губернской Казани.

С поручением Ноя Нахмановича Циммерлинга он справился отменно – как, собственно, справлялся со всеми делами, кои ему приходилось решать в свои сорок с небольшим лет.

Об ушкуйниках, как выяснил друг Яцек, писали Никоновская и Тверская летописи, историкограф Карамзин и знаменитый казанец, ректор императорского университета Карл Фукс. Остерман все сведения аккуратно заносил в свою записную книжицу в кожаном переплете с золотым тиснением на обложке, и к концу следующего дня, после разговора с Циммерлингом в Черноозерском ресторане, в книжице появилась исполненная аккуратным бисерным почерком следующая запись:

«Ушкуйники – это так называемые речные пираты, потомки норманнов, пришедших на Русь вместе с князем Рюриком и его братьями. Ходили они на больших лодках-ушкунях, потому и прозвались ушкуйниками.

С середины XIV века ушкуйники повадились нападать на земли бывшей Волжской Булгарии.

Первое упоминание об ушкуйниках датируется 1359 годом. В этом году ими был взят и разграблен до основания город Жукотин на Каме (Никоновская летопись).

В 1365 году пираты на 200 барках и ушкунях разорили множество городков на Каме и Волге. Их стан – древнее городище на Волге, к тому времени уже не существующее, близ тепереиной деревни Козловка Чебоксарского уезда (Карл Фукс).

Следующий пиратский рейд относим к 1373 году. Цель похода – столица Булгарии город Болгар. Город осадили, едва не взяли приступом. Власти откупились 3000 фунтами серебра. Пограбив на Волге купеческие караваны, вернулись в свой стан с огромной добычей (Карамзин. История государства Российского).

1374 год – пираты до 2 тысяч человек напали на Кострому. Разорять не стали. Взяли дань драгоценными камнями и золотом.

Затем в том же году пошли на Н.-Новгород, взяли его приступом, разграбили и сожгли.

Поплыли к Сараю. Астраханский хан Салчей открыл ворота города, принял радушно, как самых дорогих гостей, напоил допьяна, после чего и вырезал всех до единого (Карл Фукс).

Вскоре составила новая ватага. Атаман – Анфал (Амбал). Логовом выбрал то же городище близ Козловки – удобно тем, что располагается почти на границе чувашских, татарских и русских земель.

В 1391-м осуществляется рейд по Каме и Волге. Взяты и впоследствии разорены Жукотин и Казань (Тверская летопись).

Последнее упоминание о новгородских ушкуйниках относится к 1409 году. Пошли по Двине, вышли на Волгу, взяли дань с Костромы, захватили Н.-Новгород, снова разграбили и выжгли.

Прошли Казань, разорять не стали, взяли дань серебром, спустились к устью Камы и стали ждать Анфала (он был в стане с полутысячею разбойников), чтобы вместе идти брать Болгар. Когда Анфал прибыл, обеспокоенные беки болгарские и жуковинские объединились и послали к нему послов, дабы договориться о сумме дани за то, чтобы он не брал их города.

Договорились. Послы вернулись назад. Затем под прикрытием каравана с дарами беки снарядили отряд лучших воинов, и во время вручения дани дружина Анфала была перебита, а сам он утоплен в Каме».

– Ну что же, рассказ твоего хохла Панченко вроде подтверждается, – сказал Остерман, владелец магазинов и доходных домов, приехавшему из Козловки Ною Циммерлингу. – Были и ушкуйники, и города они брали, и стан на Волге близ Козловки имелся. И награбленных сокровищ со златом-серебром да с драгоценными камешками имели в бесчисленном количестве; вот только непонятно, где все это добро теперь запрятано...

– А я их видел, – без всякого предисловия выпалил Циммерлинг. – Своими глазами.

– Что ты видел? – опешил Остерман.

– Сокровища эти видел. Вернее, те, что Панченко отыскал.

И Ной Нахманович, волнуясь, что ему было совсем не свойственно, стал подробнейшим образом рассказывать про свою «разведку»...

* * *

На следующий день после посиделок в Черноозерской ресторации господина Ожегова отправился Ной Нахманович Циммерлинг в гостиницу «Европейскую», что на Воскресенской улице, благо еще в день знакомства с приятнейшим молодым человеком по фамилии Панченко узнал – так, ненароком, – где тот изволил остановиться.

К его удивлению, он застал в номере Вольдемара Аркадьевича купца Мясоедова и какого-то тощего студента, постоянно кашлявшего в мосластый кулак.

– Ай-ай-ай, – попенял Циммерлингу Вольдемар, поздоровавшись и представив его присутствующим. – Ведь я же просил, чтобы вы никому о моем предприятии не говорили.

– А я и не говорил никому, – неожиданно для себя сконфузившись, ответил Циммерлинг. – Ей-богу...

– Да брось ты, Ной, – подал голос знакомый Циммерлингу по купеческому клубу второй гильдии купец Мясоедов. – Полгорода говорит уже о козловских складах.

– Поверьте, Вольдемар Аркадьевич, – приложил Ной Нахманович руку к тому месту, где у всех нормальных и более-менее порядочных людей надлежало быть сердцу. – Я о нашем деле никому не...

– О нашем? – загорелся Панченко. – Так вы тоже в деле?

– Ну-у, возможно, – замялся Циммерлинг, – вначале хотелось бы съездить на место, поглядеть...

– Поглядеть, значит, – не очень весело усмехнулся Панченко, и Циммерлинг – о ужас! – почувствовал себя виноватым за такое неверие людям. Впрочем, не шибко виноватым, а так, слегка, да в общем-то и не слегка даже, а чуток, сушью мелочь. Так, что-то вроде комариного укуса, который даже и не состоялся, а в ушах – тонкий звон комариного полета и некая досада на кончике языка.

– А что? – неожиданно поддержал Циммерлинга Мясоедов. – Товар, прежде чем его купить, поглядеть да пощупать завсегда надобно... Таково правило торговли.

– Хорошо, – согласился Панченко. – Вот завтра все и поедем. Вы поедете? – обратился он к студенту Нуждину.

– Нет, я не могу, – ответил тот. – Мне до вакации еще недели две.

– Ну, смотрите, – заключил с улыбкой Панченко. – Итак, господа, завтра в восемь утра – на Устье, у третьей пристани. И прошу вас не опаздывать, а то пароход уйдет без нас.

– ...подъехали мы к Козловке. Причалили. Панченко взял извозчика и прямым ходом в имение Собакина, – продолжал рассказывать Остерману Циммерлинг. – Имение, надо сказать, весьма и весьма старинное, но неухоженное какое-то, а сад и вовсе запущен. Сразу видно, хозяин не шибко богат.

– Не факт, – вставил ремарку в образовавшуюся паузу Остерман. – Может, он того... для конспирации.

– Что? – не расслышал Циммерлинг.

– Ничего, продолжай...

– Ну, попили мы чайку в беседке, да и поехали, – продолжил свой рассказ Ной Нахманович. – А как до Большого Оврага добрались, где стан разбойничий был, Панченко и говорит:

«Господа... мол, не сочтите за оскорбление какое или неуважение к вам, но далее поедем с завязанными глазами».

«Это почему же?» – спрашивает его Мясоедов.

«А потому, – отвечает Вольдемар Аркадьевич, – дабы вы не видели, где я клад нашел. Вся земля, – говорит, – поделена на сто участков, и распределяться они будут жребием, чтобы никто в более выгодном положении относительно других не оказался. Такова, – говорит, – воля землевладельца. А ежели, – говорит, – я место свое вам открою, то вы наверняка захотите искать богатства где-либо поблизости, а это уже иным кладоискателям будет потеря и глубокая печаль...» Так и сказал.

Ну, одели мы с Филькой Мясоедовым черные повязки. Я для себя в уме все отмечаю: вот подъем крутой, вот спуск, вот повернули вправо, вот влево. С четверть часа так кружили. Потом потопали...

Долго водил их Вольдемар. И кругами, и наискосок. Примерно так же, как Моисей водил евреев сорок лет по пустыне, которую можно было перейти в две недели.

Когда он разрешил снять повязки, Циммерлинг и Мясоедов увидели себя, если можно так выразиться, в темной пещере без единого луча света. Затем кто-то чиркнул спичкой (это был, конечно, Вольдемар) и зажег свечной фонарь.

Они сделали около десяти шагов и оказались перед окованными медными пластинами старинными дверьми высотой по грудь.

– А откуда тут двери? – почему-то шепотом спросил Мясоедов.

– Здесь раньше находилось древнее городище, – ответил нормальным голосом «Панченко». – Может, раньше это было какое-нибудь подземелье или даже застенок...

– Или погреб, – добавил, волнуясь, Мясоедов.

– Или погреб, – легко согласился Вольдемар, внутренне усмехаясь. – Но это неважно. Тут важно совсем другое...

С этими словами он вынул из фонаря свечу и закрепил ее на конце своей трости. А трость просунул в отверстие двери, которое Циммерлинг и Мясоедов заметили сразу.

– Смотрите сюда, – сказал, явно волнуясь, «Панченко» и слегка подтолкнул к отверстию Циммерлинга.

Тот пригнулся, и в свод пещеры гукнул его восхищенный возглас-выдох:

– О-о-о!

В отверстие была видна небольшая комнатка-ниша, уставленная сундуками и всевозможными ларями с горками разноцветных камней, блестящих сосудов и старинного оружия (добыть его для проведения аферы оказалось труднее всего). Прямо перед дверью, в лужице серебряных монет, лежал на боку разбитый бочонок.

– Ну, хватит, Ной, дай посмотреть тоже, – затеребил Циммерлинга Мясоедов. Ной Нахманович с неохотой выпрямился и отступил от двери. В глазах его, как на фотографической карточке, застыли горы самоцветов, изумрудов и золотой посуды.

– Я беру десять делянок! – воскликнул вдруг Филька Мясоедов. – Нет, дюжину!

– А я беру пятьдесят, – срывающимся голосом произнес Ной Нахманович и в ответ на вопросительный взгляд Вольдемара добавил извиняющимся тоном: – У меня очень много родственников.

* * *

Все сделки на аренду земли были заключены самым незаконнейшим образом у нотариуса Фриделя Мацинмахера. При нем же каждым из арендаторов собакинской земли были переданы деньги его доверенному лицу Вольдемару Аркадьевичу Панченко, всего восемь с половиной тысяч рублей, по восемьдесят пять рублей за участок. Двенадцать делянок, вытянутые по жребию под разными номерами, достались купцу Мясоедову, и он, наняв рабочих-копарей, тут же убыл на пароходе «В. К. Константин» рыть землю.

Пятьдесят делянок достались «бригаде» Циммерлинга: по десять ему и Остерману, восемь взял Гирша Майзельс, по семь – часовщик Янкель Кац и владелец магазина «Дрезден» на Гостином Дворе Шмуль Браудэ.

Четыре делянки арендовал мебельщик Карл Мальмберг, две – торговец колониальным товаром, а заодно топорами, зубилами, ломami и гвоздями Арон Оберман, и по одному участку досталось Зилику и Яцеку.

Старик Кушнер не взял ни одного.

Остальные тридцать восемь участков поделили между собой зубной врач Оскар Нудель; «интернациональная артистка», певица из Панаевского театра Клара Грэк; владелец часового магазина на Большой Проломной Сруль Поляк; племянник Циммерлинга и по совместительству скупщик ворованного жемчуга Мошка Вичуг, доктор по внутренним болезням Ицек Климович и «целительница-магнетизерка» Кларисса Надель-Пружанская. Один участок заарендовал женатый, а потому, надо полагать, и вечно кашляющий студент-юрист Яша Нуджин.

Поначалу Вольдемар Аркадьевич приходил на раскопки каждый день интересоваться результатами. И копари находили то позеленевшую серебряную пряжку от сабельной перевязи, а то и потускневшую нитку мелкого жемчуга, которые умело подбрасывал в раскопы «Панченко».

Потом, сказавшись, что он едет на доклад о работах к хозяину в Нижний Новгород, Вольдемар Аркадьевич запропал и более на раскопках уже не появлялся. С его исчезновением перестали появляться и находки.

Первым, уже в начале августа, бросил работы Филька Мясоедов.

– Обманули нас, слышь, Ной. Вокруг пальца обвели, как гимназистов неразумных! Но как лихо, мать его ети! Вот тебе и молодой. Вот тебе и не слишком умный. М-да-а... А я из-за этого на ярмонку в Нижний не поехал, – закончил сокрушаться Мясоедов. – Может, еще успею, а? Как думаешь, Ной?

После чего купчина быстро собрался, рассчитал копарей и уехал, только его и видели.

Но «бригада Циммерлинга» во главе с Ноем Нахмановичем продолжала копательные работы, слепо веря в успех, вернее, не желая верить в поражение, а точнее в то, что их, их, сынов Израилевых, облапошили и провели как несмышленных детей – ведь в «бригаде» Циммерлинга были сплошь неглупые люди, могущие «развести» кого и на что угодно.

Ной Нахманович чуть ли не ежедневно челночил из Казани в Козловку и обратно, истратив только на пароходные билеты изрядную сумму денег. Нельзя же было оставлять магазин вовсе без присмотра. А сколько было потрачено на рабочих-копарей! Сердце обливалось кровью, когда Ной Нахманович брал в руки памятную книжку и, внося в нее очередные расходы, выводил их общую сумму, увеличивающуюся день ото дня.

Когда заплакал в голос Яша Нуждин, поняв, что у него не осталось денег не только содержать семью, но и на билет в Казань; когда «интернациональная артистка» Клара Грэк представила Ною Нахмановичу счет потерь, которые, как говорила певичка, она понесла по его вине, пропустив около полутора десятков своих концертов в театре Панаева, а «целительница-магнетизерка» Надель-Пружанская перестала с ним здороваться, Циммерлинг не выдержал и отправился в Нижний Новгород.

Усадьба Собакиных находилась на Рождественской, одной из самых престижных улиц города. Ной Нахманович немного постоял у воротной арки, затем нажал кнопку электрического звонка.

Не открывали долго. Затем из глубины усадьбы послышались шаркающие шаги, громохнул тяжелый засов, калитка открылась, и в проеме показалось старушечье лицо.

– Чево тебе, касатик? – спросило лицо, моргая выцветшими от старости глазами.

– Мне бы с Михаилом Григорьевичем увидеться, – ответил Циммерлинг, стараясь поймать взгляд старухи, смотревшей почему-то ему в грудь.

– А барина-то нету-у, – виновато протянула старуха и сделала попытку закрыть калитку.

– Погодите, погодите, – заторопился Ной Нахманович и придержал дверь. – А где он?

– Оне за границей на излечении, – ответила старуха и снова попыталась закрыть калитку.

– Погодите же! – не давая старой и, очевидно, слепой карге закрыть дверь, взмолился Циммерлинг. – Как долго он за границей?

– Да года три, поди, уже будет, – раздумчиво ответила старуха. – Али четыре... А кто ж его знает!

Ной Нахманович все уразумел. Правда, когда пропал Панченко, в голову стали закрадываться невеселые мысли, а не ловкая ли афера предприятие складами речных пиратов? Но он старался гнать прочь все сомнения, да и Вольдемар Аркадьевич совсем не походил на мошенника и проходимца. Благостный такой...

– А... господин Панченко, он дома? – с надеждой спросил Циммерлинг.

– Дома-а, где же им быть-то, – ответила старуха. – При детях оне.

– А с ним мне можно увидеться? – неожиданно заволновался Ной Нахманович. – Пройти можно в дом? Я купец из Казани, Циммерлинг моя фамилия.

Старуха приблизилась к нему, словно принюхивалась, подняла глаза, и Циммерлинг, наконец, встретился с ней взглядом. Затем она сделала шаг, встала на цыпочки и почти вплот-

ную приблизила свое лицо к лицу Циммерлинга, словно собираясь запечатлеть на его челе материнский поцелуй.

– Нет, – ответила она, снова упершись взглядом в грудь Циммерлинга. – Лучше я его тебе, касатик, позову.

Она захлопнула калитку, громынула засовами и ушла. Не было ее долго. Наконец, вместе с шаркающими послышались твердые шаги. Калитка открылась, и в проем шагнул молодой худощавый человек приятной наружности.

– Прошу прощения, что не приглашаем вас в дом, – извиняющимся тоном сказал он. – Видите ли, хозяин уехал, и домоправительницей Марфу Ивановну оставил. А она – старый человек, так что...

– Вы Панченко? – не дал ему договорить Циммерлинг.

– Панченко, – удивившись, ответил молодой человек.

– Вольдемар Аркадьевич?

– Нет. Геннадий Аркадьевич. А что?

– И вы домашний учитель детей господина Собакина? – не ответил на вопрос молодого человека Ной Нахманович.

– Именно так.

– Все ясно, – заключил Циммерлинг и потерянно пошел прочь, повернувшись к удивленно глядящему на него молодому человеку разом ссутулившейся спиной.

– А что вам было угодно? – крикнул ему вслед настоящий Панченко.

Циммерлинг не обернулся и не ответил, лишь утомленно махнул рукой. Он шел, тупо глядя перед собой, и в глазах его вместо гор самоцветов, изумрудов и золотой посуды были лишь ветхий пепел и потухшие уголья.

На руках же отбывшего с триумфом в Москву Вольдемара Долгорукова имелись восемь с половиной тысяч рублей, добровольно отданных «арендаторами», мечтающими занять на грош пятаков.

* * *

Итак, откушав и закулив папиросу с золотым ободком, Всеволод Аркадьевич спросил газету. На вопрос, какие он предпочитает, Долгоруков ответил, как и восемь лет назад, едва улыбнувшись:

– Разумеется, местные, голубчик.

И снова выбрал «Казанский телеграф». Чего же изменять фортуне. Листая его, Всеволод Аркадьевич думал.

О чем?

О том, что вечер воспоминаний, пожалуй, подошел к завершению. И экскурс в прошлое закончен. «Вчера» уже не существует, а может, его и вовсе никогда не было. «Завтра» еще не настало, а может, его и не будет. Стало быть, есть только «сегодня».

Пора действовать. То есть жить в настоящем, жить сегодняшним днем. Что равнозначно «просто жить»...

Глава 4

Из воздуха, или О пользе газет

Газета, милостивые государи, есть периодический печатный орган, информирующий читателя о событиях, происходящих как в мире, так и в стране, в которой выходит газета, а то и в губернии или в городе, в котором он, читатель, имеет неосторожность (а может быть, и счастье) проживать.

Помимо прикладного назначения газета имеет и развлекательную функцию. В ней иногда печатаются короткие рассказы, чаще всего на злободневные темы, сентиментальные рождественские истории, рассчитанные преимущественно на домохозяек, и длинные повести с продолжением в следующих номерах. Попадают и стихи. Вот, к примеру, что вычитал Сева в «Казанском телеграфе», когда курил послеобеденную папиросу...

*Прощай, уста мои окованы судьбою,
Безмолвно должен я покинуть милый кров —
Как призрак, путь скользит и ныне пред тобою,
Неуловимый смысл моих прощальных слов.
Люблю я, наконец, мне сердце прошептало,
Люблю я, но тебя я должен позабыть.
Скажу себе скорей, что было, то не стало
И больше для меня вовек не может быть...*

Как всегда, было много рекламы и прочих объявлений. Их Всеволод читал более внимательно. Ибо газета для такого человека, каким он являлся, была своеобразным источником вдохновения, так сказать, пищей для разного рода надувательств и авантур и, ежели уместно так выразиться, одновременно и полным каталогом фигурантов, то бишь лохов, которых можно и должно облапошить...

МАГАЗИН ИНОСТРАННЫХ ВИН

поставщика к Высочайшему двору в Москве

К. Ф. Дебре

на Черноозерской улице, в д. Куракина (бывшем Ноптер)

получены московские искусственные минеральные воды:

Зельтерская

Содовая

Лимонад-газез

Доверенный К. Ф. Дебре

К. Крог.

Интересное рекламное объявление; Долгоруков пометил его галочкой.

И еще одно...

ПО ГРУЗИНСКОЙ УЛ., 5

в винном подвале содержатся и продаются коллекционные вина и коньяки.

Поставил восклицательный знак без галочки.

Прочитав следующее объявление, он оставил его без внимания, ибо грудных детей, которых надлежит вскармливать, Всеволод Долгоруков покуда не имел и иметь не собирался...

Настоящая молочная мука Нестле для вскармливания грудных детей в аптеках города.

Генрих Нестле,
Ве́ве (Швейцария).

Что касается объявления, против которого Сева поставил галочку с восклицательным знаком, то оно гласило:

На Покровской улице подле ограды продается за отъездом хозяина каменный дом, при коем находится и сад, а на дворе колодезь с хорошею водою. Службы сего дома все почти каменные: две кухни, из коих одна с англинским очагом, людская изба и подвал для вин в лучшем виде. Самые комнаты дома расписаны со вкусом и с крашеными полами и снабжены всей необходимой для проживания мебелью.

Желающие купить оный дом с мебелью или без таковой, с обождаанием половины суммы за проценты в течение года или двух могут спросить о цене у хозяина того дома.

В колонке «Приехавшие» Долгоруков пометил лишь несколько строк из многих – опять-таки галочкой с восклицательным знаком. Эти строки были следующие:

В «№№ «Париж» остановился приехавший из Санкт-Петербурга граф Тучков, известный коллекционер вин. Цель визита графа неизвестна. Возможно, его приезд в наш город связан с очередным пополнением его всемирно известной коллекции.

Долгоруков отложил газету, задумался. А когда поднялся из-за стола, у него уже был план, связывающий воедино коллекционное вино, поставщика к высочайшему двору в Москве К. Ф. Депре, дом на Покровской улице с подвалом для вин в лучшем виде и визит в губернскую Казань известного коллекционера вин графа Тучкова.

План был хорош. Теперь был нужен помощник. И деньги. Ибо задуманная Всеволодом Аркадьевичем афера, как и любое иное предприятие, требовала значительных вложений, дабы впоследствии принести ощутимую прибыль. Для осуществления задуманного плана надлежало добыть денег. Буквально из воздуха.

И Сева придумал, как это сделать. Вернее, вспомнил одно хитроумное изобретение своего товарища по «Клубу «червонных валетов» и по совместительству охотника до богатых вдовушек и бонмотиста Эдмонда Массари.

* * *

Ранним июльским утром в контору «Российского общества морского, речного и сухопутного страхования и транспортировки кладей» прибыло десять больших одинаковых ящиков с надписью:

ГОТОВОЕ БЕЛЬЕ

Груз каждого из первых пяти ящиков был оценен отправителем, мещанином уездного города Васильсурска Казанской губернии Жадиным Степаном Ферапонтовичем в девятьсот пятьдесят рублей, содержимое трех ящиков Степан Ферапонтович оценил в одну тысячу семьсот пятьдесят рублей, а товар в двух последних ящиках был оценен отправителем в две тысячи триста рублей каждый. Очевидно, в них находилось весьма дорогое белье, да и пункт доставки их был недалек: город Гельсингфорс Юландской губернии. Очевидно, в этой губернии Великого княжества Финляндского было худо с хорошим бельем. Три ящика должны были следо-

вать до Мингрелии, а первые пять – в Фергану. Туркестан, похоже, крайне нуждался в дешевом белье. Или просто в белье как таковом.

Ящики запечатали и увезли, чтобы разослать по пунктам назначения, Жадин заплатил транспортную и страховую пошлины и получил за свои ящики товарные расписки на гербовой (как и положено) бумаге. А затем напрямик направился в банк, потому как такие расписки с указанием стоимости товара принимались в залог наравне с векселями. То есть их можно было обналичить в Ссудном или в Учетном банках, заложить в ломбарде или закупить на них товару согласно указанным суммам.

Через малое время мещанин Жадин, то бишь Всеволод Аркадьевич Долгоруков, лишился своих товарных расписок, зато сделался обладателем денежной суммы в размере четырнадцати с половиной тысяч рублей. В ящиках же с «готовым бельем» находилась старая ветошь, стружка и по большей части воздух. Так что столь приличные деньги натурально были сделаны из воздуха. Учитесь, господа!

Дальнейшая судьба ящиков отправителя не волновала. Скорее всего ящики будут стоять длительное время там, куда они прибудут, вызывая раздражение почтовых служащих, ведь их никто не востребует. А когда терпение служащих лопнет, они заявят в полицию. С разрешения начальства ящики будут распечатаны и вскрыты. Что последует далее – смех или удивление, – это зависит от ситуации. И можно с большой долей уверенности констатировать, что рассылка таких ящиков с «готовым бельем» будет сочтена за дурацкую шутку. Полицейские в сердцах сплюнут и удалятся, не располагая никакими зацепками и желанием проводить по поводу пустых ящиков расследование. Ведь за ними никто не явится, а значит, обманутых нет. И даже если найдется среди полицейских какой-нибудь дотошный служака и потянет за ниточку следствия, то конец ее непременно оборвется. Ибо приведет такая ниточка к мещанину уездного города Васильсурска Казанской губернии Степану Ферапонтовичу Жадину, какого в природе не существует, а ежели и существует, то он к афере с ящиками – ни сном ни духом.

С такой суммой разводку графа Тучкова начинать уже было можно.

* * *

Дом на Покровской улице возле церковной ограды был построен, наверное, пару веков назад. Двухэтажный, каменный, со стенами толщиной в два аршина, он стоял недалеко от крепости-кремля и имел большой яблонево-вишневый сад, правда, довольно запущенный.

Службы во дворе, о которых было писано в объявлении, тоже были старинной постройки, и ежели дом подвергался кое-какому ремонту, то служебные строения скорее всего так и не трогались со времен царя Алексея Михайловича Тишайшего и выглядели весьма древне.

Собственно, то, что дом и постройки крепко старые, – было только на руку Всеволоду Аркадьевичу: и для задуманной аферы это хорошо, и цена всего этого хозяйства не должна быть велика. Хозяин усадьбы, Александр Михайлович Лазаревский, отставной поручик, герой Дрезденского сражения, воевал с Наполеоном в Пруссии и Саксонии и брал Париж в четырнадцатом году. После ранения он был вынужден выйти в отставку и вернулся в Казань. К настоящему моменту силы оставили старика и вдовца, и он надумал перебраться к младшему сыну в древнюю столицу. Для того и продавал дом. Ну, и еще, чтобы не быть обузой.

– Двенадцать тысяч, такова моя цена, – заявил Долгорукову отставной поручик, когда осмотр усадьбы покупателем был произведен. – Не дорого, я полагаю. Если бы не мой скорый отъезд, менее чем за пятнадцать тысяч я бы вам дом не отдал.

– Понимаю, – кивнул головой Сева. – И, не буду кривить душой, не дорого, согласен, – добавил Всеволод Аркадьевич. – А как насчет обождания суммы?

– Половину суммы мне надобно сразу, а половину я готов обождать год или два, – сказал старик Лазаревский. И быстро поправился: – Лучше год, потому как мало ли... Я стар, и мой век сделался ныне короток.

– Хорошо, – не стал спорить со стариком Долгоруков. – Шесть тысяч сразу, шесть через год под вексель.

– Семь, – сказал старик.

– Что семь? – не понял Сева. Или как бы не понял.

– Через год – еще семь тысяч.

– Позвольте, вы же сказали, что дом стоит двенадцать? – напомнил старику его слова Долгоруков.

– Двенадцать, – согласился старик.

– Ну, так я вам отдам сейчас шесть тысяч и через год – еще шесть.

– Через год – семь, – упорствовал отставной поручик.

– Почему семь?

– А проценты?!

– Ах да, – словно только что вспомнил пропечатанные в «Казанском телеграфе» условия продажи дома Сева. – Хорошо, по рукам. Так я зову нотариуса?

Первый шаг в афере по надувательству графа Тучкова был сделан. Всеволод Аркадьевич Долгоруков стал владельцем усадьбы на Покровской, а старик Лазаревский отбыл в Первопрестольную с шестью тысячами целковых и долговым векселем в семь тысяч, который Сева обязался погасить до первого августа восемьдесят первого года. Но ведь давать обязательства и выполнять их – разные вещи, правда?

Теперь надлежало сделать второй шаг. И он был произведен, когда Сева открыл дверь винного подвального на Грузинской улице, где, судя по объявлению, продавались помимо прочих коллекционные вина и коньяки.

– Здравствуйте, – произнес Долгоруков, когда звук дверного колокольчика смолк.

– Здравствуйте, – ответил ему хозяин подвального, оглядев посетителя оценивающим взглядом и убедившись, что тот вполне платежеспособен. – Чем могу служить?

– Мне нужна бутылочка коллекционного вина, – заявил Всеволод Аркадьевич, оглядывая прилавок. – У моего дяди юбилей, и я бы хотел сделать ему хороший подарок.

– Он коллекционирует вина? – поинтересовался хозяин.

– Да, – ответил Сева. – Он большой любитель коллекционных вин.

– А возраст? – спросил хозяин.

– Дяди?

– Нет, вина, – усмехнулся хозяин.

– Чем старше, тем лучше, – ответил Долгоруков.

– У нас имеются в продаже преимущественно вина «бордо». Есть «Шато Лафит Ротшильд» урожая пятьдесят девятого и шестьдесят второго годов. Еще советую обратить внимание, – хозяин достал бутылку с глубокой выемкой на донышке, – вот на это.

– Прощу прощения, я не очень разбираюсь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.